

ДЖЕФФРИ ДИВЕР. НИ НА КОГО НЕ ПОХОЖИЙ. ЛУЧШИЙ!

ДЖЕФФРИ ДИВЕР

Джеффри Дивер
Во власти страха
Серия «Линкольн Райм», книга 11

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9063464
Дивер, Джеффри. Во власти страха : [роман]; АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-087156-8

Аннотация

Собиратель Костей давно мертв. Но, кажется, у него появился подражатель – Собиратель Кожи.

Орудие убийства для него – отравленные чернила. Именно с их помощью он делает татуировки, смысл которых ставит полицию в тупик.

По какому принципу он выбирает жертв?

Каков смысл его «посланий»?

Линкольну и Амелии предстоит ответить на множество вопросов.

А между тем за их расследованием внимательно наблюдает давний враг Линкольна Райма. И он почти готов нанести удар...

Содержание

I	5
Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	41
Глава 10	48
Глава 11	53
Глава 12	60
Глава 13	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джеффри Дивер

Во власти страха

Посвящается Денису, Патти, Мелиссе и Филипу

Существа, которых я видел, не были людьми. Это были животные, превращенные в людей, триумф вивисекции.
Г.Д. Уэллс. Остров доктора Моро

Jeffery Deaver

THE SKIN COLLECTOR

Печатается при содействии литературных агентств Gelfman Schneider
с/о Curtis Brown UK и The Van Lear Agency LLC.

© 2014 by Gunner Publications LLC.

© Перевод. Д.В. Вознякевич, 2014

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

I

Распроданная книга

5 ноября, вторник, полдень

Глава 1

Подвал... Ей необходимо было спуститься в подвал. Хлоя очень не любила там находиться, но они распродали десятый и двенадцатый размеры платьев «Рю дю Канн» – немодных, цветастых, с зубчатым подолом и глубоким вырезом, – и ей требовалось вновь заполнить вешалки для покупательниц. Хлоя была актрисой, а не специалистом по продаже одежды и работала в магазине недавно. И она не могла понять, почему в холодном ноябре эти платья так хорошо распродаются, пока начальница не объяснила, что хотя их магазин и находится в Сохо, на Манхэттене, покупательницы приезжают из Джерси, Уэстчестера и с Лонг-Айленда.

– Почему?

– Круизы, Хлоя. Круизы.

– А-а.

Хлоя Мур пошла в глубь магазина. Здесь он представлял собой противоположность торговому залу, был таким же унылым, как и склад. Она нашла ключ среди тех, что свисали с ее запястья, и отперла дверь в подвал. Включила свет и осмотрела шаткую лестницу. Вздыхнув, стала спускаться, дверь на пружине за ней закрылась.

Будучи довольно крупной женщиной, Хлоя ступала по лестнице осторожно. Кроме того, на ней были туфли от Веры Ванг, а высокие каблуки и постройка столетней давности могли быть опасным сочетанием.

Подвал. Ненавистный. Хлоя не беспокоилась, что там кто-то окажется. Входом и выходом служила единственная дверь, в которую она только что вошла. Но подвал был затхлым, сырым, холодным... и с паутиной в самых неожиданных местах, а значит, и с коварными, хищными пауками.

Хлоя знала, ей потребуется щетка, чтобы удалить пыль с темно-зеленой юбки и черной блузки – от «Бордо» и «Сены» соответственно.

Она ступила на неровный, потрескавшийся бетонный пол, свернула влево, чтобы обойти большую паутину. Но к ней прицепилась другая – длинная нить, щекоча, прилипла к ее лицу. Исполнив комичный танец в попытке смахнуть эту гадость и не упасть, Хлоя продолжила поиски и пять минут спустя нашла партию «Рю дю Канн», которая хоть выглядела и звучала по-французски, но прибыла в картонных коробках с большими китайскими иероглифами.

Снимая картонки с полки, Хлоя услышала скрип и замерла, прислушиваясь. Скрип не повторился. Но она услышала другой звук: *кап, кап, кап*.

Где-то течь? Хлоя часто, хотя не по своей воле и нехотя, спускалась сюда и ни разу не слышала шума воды. И оставив у лестницы коробки с якобы французскими платьями, она пошла проверить. Большая часть товара лежала на полках, но несколько картонных ящиков стояли на полу. Течь могла привести к катастрофическим последствиям. И хотя Хлоя мечтала попасть на Бродвей, в ближайшем будущем ей все-таки придется работать здесь, в магазине «Шез Норд». А тут ей как раз и платили за предотвращение порчи дорогих платьев за десять тысяч долларов.

Она пошла в глубь подвала, твердо решив найти течь, хоть и боялась пауков.

Звуки капающей воды становилось громче по мере приближения к задней стене подвала. Там было еще темнее, чем впереди, у лестницы.

Хлоя остановилась за полкой с огромной партией блузок, таких неприглядных, что носить их не стала бы даже ее мать. Этот большой заказ, решила она, сделал сотрудник, знавший, что его все равно уволят.

Кап, кап...

Хлоя прищурилась.

Странно. Что это? В дальней стене была открыта дверца лаза. Капанье доносилось оттуда. Размер дверцы, окрашенной той же серой краской, что и стены, составлял примерно три на четыре фута.

Куда она ведет? Существует еще нижний подвал? Хлоя никогда не видела этой дверцы, но она никогда и не смотрела на стену за последней полкой. Зачем?

И почему она открыта? В городе постоянно ведется строительство, особенно в таких старых районах, как Сохо. Однако никто не говорил продавщицам – ей, во всяком случае – о ремонте под зданием.

Может, что-то ремонтирует этот странный уборщик – поляк, или румын, или русский? Нет, не может быть. Управляющий ему не доверяет: у него даже нет ключа от двери в подвал.

Наверное, здесь деформация бетона.

«Постарайся все выяснить. Скажи Марджи про течь и открытую дверцу. Отправь сюда Влада, Михаила или как там его, пусть отрабатывает свою зарплату».

Снова раздался скрип, и на сей раз, похоже, от шагов на неровном бетоне.

«Черт, хватит! Уходи отсюда!»

Но прежде чем Хлоя ушла, даже прежде чем она повернулась, мужчина набросился на нее сзади, ударив головой о стену, и прижал ей тряпку ко рту. От испуга она едва не упала в обморок. В шее вспыхнула боль.

Хлоя быстро повернулась к нему лицом.

Господи... Господи...

Хлою едва не вырвало при взгляде на закрывающую всю голову желтую латексную маску с прорезями для глаз, рта и ушей, тугую, искажающую контуры лица внизу. Напавший был одет в рабочий комбинезон с надписью, которую она не могла разобрать.

Плача и качая головой, Хлоя молила и кричала через кляп, который он прижимал к ее рту рукой в перчатке, такой же тугой, как маска, и такой же отвратительно желтой.

– Послушайте, пожалуйста! Не делайте этого! Вы не понимаете! Послушайте, послушайте... – Но ее слова, проходя через ткань, становились лишь невнятными звуками.

Хлоя лихорадочно думала: «Почему я не оставила дверь открытой? Была же у меня такая мысль...» И отчаянно злилась на себя.

Неизвестный оглядывал ее спокойными глазами – не груди, не губы, не бедра, не ноги. Только кожу ее обнаженных рук, горло, шею, маленькую синюю татуировку тюльпана.

– Ни хорошо, ни плохо, – прошептал он.

Хлоя плакала, дрожала, стонала.

– Что, что, что вам нужно?

Но зачем же спрашивать? Она знает. Разумеется, знает. И с этой мыслью Хлоя подавила в себе страх и собралась с духом. Ладно, скотина, хочешь позабавиться? Сам виноват.

Она обмякла. Его глаза, окруженные желтым латексом, словно нездоровой кожей, казались растерянными. Напавший, очевидно, не ожидал, что жертва перестанет сопротивляться, и подхватил ее, чтобы она не упала.

Едва ощутив, что его руки ослабели, Хлоя рванулась вперед и схватила его за воротник комбинезона. Молния лопнула, ткань порвалась – и верхняя одежда, и белье.

Хлоя принялась отчаянно бить по груди и лицу. Вскинула колено к его паху. Еще раз, еще. Но удары не достигали цели. Она промахивалась. Он казался очень легкой мишенью, но Хлоя вдруг потеряла координацию, ощутила дурноту. Он перекрыл ей воздух своим кляпом – может, дело в этом, а может, в последствиях удара о стену.

«Действуй, – твердила она себе. – Не останавливайся. Он боится. Сама видишь. Мерзкий трус...»

И она пыталась хлестать его, раздирать ногтями его кожу, но почувствовала, что силы быстро убывают. Удары ее были почти неощутимыми, и, опустив глаза, Хлоя заметила, что рукав его задрался. Она увидела причудливую красную татуировку – какое-то насекомое с десятками ножек, клыками и человеческими глазами. Потом она перевела взгляд на пол подвала. Блеснула игла шприца. Вот что было источником боли в шее и потери сил! Он сделал ей какой-то укол.

Снадобье, которое он ввел, было сильнодействующим. Хлоя чувствовала себя все более изнуренной. Разум ее метался, она словно то засыпала, то просыпалась и обнаружила, что мыслями ее почему-то завладели дешевые духи «Шез Норд», продававшиеся на кассе.

– Кто будет покупать такую дрянь? Почему не...

«Что я делаю? – подумала Хлоя, когда сознание к ней вернулось. – Сражайся! Сражайся с этим сукиным сыном!»

Но руки ее висели неподвижно, а голова была тяжелой, как камень. Она сидела на полу, потом помещение накренилось и задвигалось. Он тащил ее к дверце лаза.

«Нет, пожалуйста, не туда! Послушай меня! Я могу объяснить, почему не следует этого делать. Не тащи меня туда! Послушай!»

Здесь, в подвале, по крайней мере, была надежда, что Марджи заглянет вниз, увидит их обоих, кричит, и он удерет на своих ножках насекомого. Но когда Хлоя окажется глубоко под землей, в его гнезде, будет слишком поздно. В подвале темнело, но темнота была странной, словно лампы под потолком, все еще включенные, не выпускали свет, а втягивали лучи в себя и гасили.

«Сражайся!» Но она не могла, все больше приближаясь к черной бездне.

«Кричи!» Она закричала, но из ее рта вырвалось лишь шипение, треск цикады, жужжание жука.

Потом он протаскивал ее через дверцу в Страну Чудес, на другую сторону. Как в кино. Или в мультфильме. Или черт знает где.

Хлоя увидела внизу маленькую подсобку. Ей показалось, что она падала, причем долго. Потом она оказалась на полу, на земле, силясь вдохнуть, но от удара при падении из легких вышел весь воздух. Боли не ощущалось. Звук капающей воды стал отчетливей, и Хлоя увидела струйку, бегущую из-под старого камня в дальней стене, покрытой проводами и трубами – ржавыми, старыми, приходящими в негодность.

Кап, кап...

Струйка яда насекомого или его блестящей прозрачной крови.

Она думала: «Я Алиса в кроличьей норе. Гусеница с кальяном, Мартовский Заяц, Червовая Королева, красное насекомое на его руке». Ей никогда не нравилась эта чертова сказка!

Хлоя перестала кричать. Ей хотелось уползти, свернуться в клубок и поплакать, побыть в одиночестве. Но она не могла пошевелиться. Она лежала на спине, глядя вверх на слабый свет из подвала магазина, который она ненавидела и в котором так теперь хотела оказаться, чтобы сновать, стоя на гудящих ногах, и кивать с поддельным восторгом.

«Нет-нет, из-за этого ты выглядишь о-очень жалкой. Право...»

Потом свет потускнел еще больше – когда напавшее на нее желтолицее насекомое влезло в отверстие, закрыло за собой дверцу и спустилось к ней по короткой лесенке. Затем

туннель заполнился ярким светом: незнакомец включил шахтерскую лампу на лбу. Белый луч слепил, и она закричала – или не закричала? – от слепящей яркости.

Внезапно свет исчез, и наступила полная темнота. Хлоя очнулась через несколько секунд, или минут, или через год.

Теперь Хлоя находилась где-то в другом месте, не в подсобке, а в большой комнате, нет, в туннеле. Она почти ничего не видела, там был только слабый свет сверху да направленный на нее луч со лба человека-насекомого. Луч слепил ее всякий раз, когда человек поворачивался к ней. Хлоя опять лежала на спине, глядя вверх, а он стоял подле нее на коленях.

Но то, чего она с ужасом ждала, не происходило. Однако в определенном смысле это было хуже, потому что *то* — срывание с нее одежды и затем дальнейшее – было бы, по крайней мере, понятно. Входило бы в известную категорию страхов.

Это было иным.

Да, ее блузка была задрана, но только слегка, открывая живот от пупка до нижнего края лифчика. Юбка была туго обернута вокруг бедер, словно он не хотел никакого намека на неприличие.

Подавшись вперед, сгорбясь, он пристально смотрел своими спокойными глазами, глазами насекомого, на гладкую белую кожу ее живота, словно на холст в Музее современного искусства: склонив голову под нужным углом, чтобы оценить разбрызгивание краски с кисти Джексона Поллока, зеленое яблоко Магритта.

Потом он медленно протянул руку и провел по ее коже указательным пальцем. Своим желтым пальцем. Поводил по ней ладонью взад-вперед. Оттянул кожу, захватив большим и указательным пальцами. Разжал пальцы и смотрел, как она опустилась.

Его рот насекомого искривился в легкой улыбке.

Ей показалось, что он сказал: «Отлично». Или, может, это сказала гусеница с кальяном или насекомое на его руке?

Хлоя почувствовала легкое жужжание вибрации. Он посмотрел на часы. Потом взглянул на ее лицо, увидел ее глаза и словно бы удивился – возможно, тому, что она все еще в сознании. Повернувшись, вытащил рюкзак и достал из него наполненный шприц. Снова уколол ее, на этот раз в вену на руке.

По телу разлилось тепло, страх отступил. Тьма струилась вокруг нее, звуки исчезали, Хлоя видела его желтые пальцы, пальцы червяка, когти насекомого, снова ползшие в рюкзак и бережно вынувшие небольшой ящичек. Он поставил его рядом с ее обнаженной кожей с тем же благоговением, с каким священник ее прихода ставил на алтарь серебряный потир с кровью Христа прошлым воскресеньем во время божественной литургии.

Глава 2

Билли Хейвен выключил тату-машинку «Америкэн игл», чтобы поберечь батарейки, и снова сел на корточки. До этого он разглядывал свою работу. Сканировал ее глазами.

Состояние не идеальное, но исполнение хорошее.

Занимаясь декоративной модификацией тела, всегда вкладываешь в это все, на что способен. Начиная от самого простого креста на плече официантки до американского флага на груди подрядчика – трехцветного, со множеством складок, развевающегося на ветру, ты работаешь, как Микеланджело на потолке Сикстинской капеллы, как Бог с Адамом.

Теперь, находясь здесь, Билли мог бы действовать быстро. В данных обстоятельствах это извинительно.

Но нет. Стиль должен быть стилем Билли. Как это называлось дома, в его мастерской.

Он ощутил на лице струйку пота. Подняв защитную маску дантиста, рукой в перчатке утер пот с глаз, спрятал косметическую салфетку в карман. Бережно, чтобы не упала ни одна нить. Предательские нити могут быть так же опасны для него, как татуировка для Хлои.

Маска была удручающей. Но необходимой. Учитель татуировки преподавал ему этот урок. Заставил Билли надеть маску перед тем, как парень впервые взял в руку машинку. Билли, как и большинство юных учеников, запротестовал: защита для глаз есть, а больше ничего не нужно. Было жарко. Носить какую-то дурацкую маску казалось оскорбительным.

Делай свое дело.

Но потом учитель усадил Билли рядом с собой, когда татуировал клиента. Это была небольшая работа – лицо Оззи Осборна. Непонятно, зачем оно ему понадобилось.

Черт возьми, сколько же летело брызг – крови и какой-то жидкости. Маска была заляпана, как ветровое стекло джипа в августе.

– Будь благоразумным, Билли, запомни это.

– Непременно.

С тех пор он был уверен, что каждый клиент заражен или вирусом ВИЧ, или какими-то распространенными венерическими заболеваниями.

И в течение нескольких следующих дней, нанося татуировку, он, разумеется, не допускал, чтобы на него попала хоть капля. Защита была необходима.

Теперь Билли надевал латексную маску и капюшон, чтобы не уронить ни одного волоска из буйной шевелюры или омертвевшую клетку эпидермы. А еще, чтобы исказить черты лица. Существовала некоторая вероятность, что без этого, несмотря на тщательный выбор уединенных мест для убийства, его опознают.

Сейчас Билли Хейвен снова осматривал свою жертву. Хлою.

Ее имя он прочел на бирке, ему предшествовала претенциозная надпись *Je t'appelle*¹. Что бы это значило? Может быть, «привет». Может, «доброе утро». Он опустил руку в перчатке – в двух перчатках – и провел по ее коже, сдавливая, натягивая, замечая эластичность, строение, упругость.

Билли заметил также небольшой выступ между ее ног под темно-зеленой юбкой. Нижнюю линию лифчика. Но о непристойном поведении не могло быть и речи. Он никогда не трогал клиентов там, где не следует.

То плоть, это кожа. Совершенно разные вещи. А Билли Хейвен любил только кожу.

Он утер пот новой салфеткой и тщательно ее спрятал. Ему было жарко, кожу покалывало. В туннеле, несмотря на ноябрь, стояла жара. Давно – около ста лет назад – он был закрыт с обоих концов, что означало отсутствие вентиляции. Так было во многих тунне-

¹ Меня зовут (фр.). – Здесь и далее примеч. пер.

лях здесь, в Сохо, южнее Гринвич-Виллиджа. Построенные в девятнадцатом и двадцатом веках, эти туннели пронизывали местность, их использовали для транспортировки товаров под землей к заводам, складам и перегрузочным станциям. Заброшенные, они прекрасно служили целям Билли Хейвена.

Часы на его правом запястье снова зажужжали. Через несколько секунд такой же звук раздался из запасных часов в кармане. Они напомнили ему о времени: Билли часто забывал о нем, увлекшись работой.

«Дайте мне только обработать эти пальцы, дайте всего минуту...»

Из наушника с микрофоном в левом ухе раздался стук. Он послушал несколько секунд, потом снова взял «Америкэн игл». Это была старая модель с вращающейся головкой, двигающей иглу, как в швейной машинке, в современных устройствах использовалось вибрирующее кольцо. Он включил аппарат и отпустил маску.

Миллиметр за миллиметром Билли вел иглу по линиям крови, которые сделал очень быстро. Он был прирожденным художником, блестяще делавшим рисунки карандашом и пером, прекрасно работавшим пастелью. Блестяще работавшем иглами. Рисовал от руки на бумаге, рисовал от руки на коже. Большинство художников-татуировщиков, даже самых талантливых, пользовались заранее изготовленными трафаретами. Бездарные покупали трафареты, прикладывали их к коже и рисовали по ним. Билли делал так редко. В этом не было нужды. «От божьего замысла к твоей руке», – сказал его дядя.

Пришло время закраса. Он сменил иглы. Очень, очень осторожно. Татуируя Хлою, Билли использовал знаменитый древнеанглийский, или готический шрифт. Для него характерны очень жирные и очень тонкие линии. Билли избрал фрактуру², потому что этим шрифтом напечатана Библия Гутенберга и потому что он требует напряжения сил. Он художник, а кто из художников не захочет блеснуть мастерством?

Через десять минут конец работы был близок. А как чувствует себя его клиентка? Билли оглядел ее тело, потом приподнял веки. Глаза по-прежнему незрячи. Правда, лицо несколько раз дернулось. Пропофол скоро прекратит действие. Но, разумеется, одно снадобье заменяет другое.

Неожиданно грудь Билли пронзила боль. Это его встревожило. Он был молод, находился в отличной физической форме, и мысль о сердечном приступе отверг. Но оставался вопрос: не вдохнул ли он что-то, чего не следовало?

Это было вполне реальной и смертельной возможностью. Он ощупал себя, обнаружил, что боль на поверхности. И понял. Когда он только схватил Хлою, она отбивалась. Он был так возбужден, что не заметил, как сильны были ее удары. Но теперь действие адреналина прекратилось, и Билли почувствовал боль. Он опустил взгляд. Никаких серьезных повреждений нет, только разорваны комбинезон и рубашка. Не думая больше о боли, он вновь принялся за работу.

Билли заметил, что дыхание Хлои стало глубже. Действие анестезии скоро закончится. Он приложил к ее груди руку – Очаровательная Девушка не возражала бы – и ощутил, что под его ладонью сердце бьется сильнее.

И тут у него возникла мысль: каково было бы нанести татуировку на живое, бьющееся сердце? Возможно ли это? Для осуществления своих планов в Нью-Йорке Билли месяц назад взломал дверь компании медицинских принадлежностей. Вынес оборудование на тысячи долларов, лекарства, химические реактивы и другие материалы. Смог бы он набраться умения, чтобы положить человека на операционный стол, вскрыть ему грудь, вытатуировать рисунок или слова на сердце и зашить грудь? Чтобы клиент жил всю жизнь с этим измененным органом?

² Фрактура – поздняя разновидность готического шрифта.

Что бы Билли наколот? Крест. Слова: «Принцип кожи». А может быть: «Билли + Очаровательная Девушка-навсегда».

Идея интересная. Но мысль об Очаровательной Девушке опечалила его, и он, вернувшись к Хлое, стал доводить последние буквы.

Превосходно. Стил Билли. Но это еще не все. Из темно-зеленого футляра от зубной щетки он достал скальпель, подался вперед и снова оттянул великолепную кожу.

Глава 3

Рассматривать смерть можно двояко.

По правилам криминалистической науки следователь смотрит на смерть отвлеченно, видит в ней лишь событие, требующее целого ряда задач. Хорошие полицейские смотрят на это событие словно бы через объектив повествования: лучше всего видеть в смерти вымысел, а в жертве – человека, который никогда не существовал.

Отстраненность – необходимый инструмент для работы на месте преступления, такой же, как латексные перчатки и альтернативные источники света.

Сидя в красно-сером электрическом кресле-каталке перед окном своего таунхауса на улице Сентрал-Парк-Уэст, Линкольн Райм думал о недавней смерти именно таким образом. На прошлой неделе в центре города грабитель убил человека. Поздним вечером, когда этот человек уходил со службы в городском департаменте охраны окружающей среды, его втащили на безлюдную стройплощадку по другую сторону улицы. Вместо того чтобы отдать бумажник, он предпочел драться и в драке был заколот.

Дело, папка с которым лежала перед Раймом, было обыденным, с немногочисленными уликами, что характерно для убийств подобного рода: дешевое оружие – зазубренный кухонный нож с отпечатками пальцев, которых нет ни в ОАСУЛОП³, ни где бы то ни было, нечеткие отпечатки ног в талом снегу, укрывшем землю ночью, и никаких следов, предметов или сигаретных окурков, кроме однодневной или недельной давности и потому бесполезных. Судя по всему, это было непродуманное преступление: не имелось никаких нитей, ведущих к вероятному преступнику. Полицейские расспрашивали сослуживцев убитого, разговаривали с родными и друзьями. Не было ни связи с наркоторговлей, ни рискованных сделок, ни ревнивых любовниц, ни ревнивых мужей любовниц.

Поскольку улик почти не нашлось, Райм знал, что это дело может быть раскрыто только одним образом: кто-то неосторожно похвастается, что отнял бумажник возле муниципалитета. А слышавший это, схваченный за наркотики, домашнее насилие или мелкую кражу, заключит сделку с правосудием и выдаст хвостуна.

Это ограбление с убийством представляло собой для Линкольна Райма смерть, наблюдаемую издали. Давнюю. Вымышленную. Это был взгляд номер один.

Второй способ рассматривать смерть шел от сердца: когда человека, с которым ты был крепко связан, больше нет на этой земле. И другая смерть, о которой думал Райм в тот угрюмый ветреный день, глубоко его трогала – не так, как гибель жертвы грабителя.

Блиzkих людей у Райма было немного, и это объяснялось не его физическим состоянием – ниже шеи он был полностью парализован. Нет, он никогда не был человеком общества. Он был человеком науки. Человеком ума.

У него было несколько близких друзей, родственников и любовниц. Жена, теперь бывшая. Том, его помощник. И, конечно же, Амелия Сакс. Но второй человек, скончавшийся несколько дней назад, в определенном смысле был ближе всех остальных, и вот почему: он требовал от Райма усилий как никто другой, вынуждал думать, выходя за границы привычных шаблонов, заставлял предвидеть, вырабатывать стратегию, сомневаться. Заставлял и сражаться за жизнь: ведь этот человек едва не убил его.

Часовщик стал самым интригующим преступником, с каким Райм сталкивался в своей жизни. Менявший фамилии и внешность, Ричард Логан был прежде всего профессиональным убийцей, хотя организовывал всевозможные преступления – от нападения террористов до грабежа. Соглашался работать на всех, кто платил щедрый гонорар, – при условии,

³ ОАСУЛОП – Объединенная автоматизированная система установления личности по отпечаткам пальцев.

что работа будет достаточно интересной. Этим же критерием пользовался и Райм, решая, браться ли за дело в роли криминалиста-консультанта.

Часовщик был одним из немногих преступников, способных его перехитрить. Хотя Райм в конце концов устроил ловушку, приведшую Логана в тюрьму, он все-таки переживал из-за того, что не смог предотвратить его нескольких удачных преступлений. А Часовщик, даже терпя неудачу, ухитрялся причинять зло. Когда Райм сорвал попытку убийства мексиканского полицейского, ведущего расследование деятельности наркокартелей, Логан все-таки спровоцировал международный инцидент, хотя в конце концов решили сделать вид, что этой попытки не было.

И вот теперь Часовщика не стало.

Логан умер в тюрьме – не был убит сокамерником, не покончил с собой, как заподозрил Райм, узнав эту новость. Нет, причина смерти была прозаическая – остановка сердца во время тяжелого приступа. Врач, с которым Райм говорил накануне, сообщил, что даже если б удалось спасти Логана, он бы страдал от необратимого и тяжелого повреждения мозга. Медики никогда не произносят фраз типа «смерть стала для него благом», но по тону врача у Райма создалось именно такое впечатление.

Порыв сильного ноябрьского ветра сотряс окна таунхауса. Райм находился в передней гостиной – это место он считал самым уютным в мире. Построенная как викторианская общая комната, теперь она полностью превратилась в криминалистическую лабораторию с чистыми столами для осмотра улик, с компьютерами и мониторами высокого разрешения, с полками для инструментов, со сложной аппаратурой вроде зондов для анализа дыма и частиц, с камерами для снятия скрытых отпечатков пальцев, микроскопами – оптическим и электронным – и, главное, с газовым хроматографом/масс-спектрометром, рабочей лошадью лаборатории.

Все маленькие или даже средние полицейские управления в стране могли позавидовать этому набору, стоившему несколько миллионов. Райм все оплачивал сам. Расходы после несчастного случая на месте преступления, сделавшего его инвалидом, были значительными; значительными были и гонорары, которые он получал от полицейского управления Нью-Йорка и других правоохранительных агентств, пользовавшихся его услугами. Время от времени поступали предложения и из других источников, которые могли бы приносить доход, например от Голливуда – выступить в роли консультанта для телефильмов, основанных на делах, по которым он работал. Одним из таких фильмов был «Человек в кресле». Другим – «Райм и разум». Том видеоизменил ответ своего подопечного на эти предложения, превратив фразу «Они что, спятили?» в «Мистер Райм попросил меня передать благодарность за ваш интерес. Но он боится, что в настоящее время слишком занят для таких проектов».

Райм повернул кресло и взглянул на изящные, красивые карманные часы, стоящие в рамке на каминной доске. «Брегет». Как ни странно, подарок самого Часовщика.

Печаль Райма была сложной, отражавшей его двойственные взгляды на смерть. Разумеется, существовали аналитические – криминалистические – причины для расстройства по поводу этой утраты. Теперь он больше не сможет исследовать разум этого человека, находя в этом некое удовольствие. Как предполагало его прозвище, Логан был одержим временем и часами – даже собственноручно изготавливал карманные и настольные часы – и планировал свои преступления со скрупулезной точностью. С тех пор как их пути впервые пересеклись, Райм всегда восхищался работой мысли Логана. Даже надеялся, что тот позволит навестить себя в тюрьме, чтобы они могли поговорить о его похожих на шахматные партии преступлениях.

Смерть Логана оставила и другие, практические заботы. Прокурор предложил ему сделку – смягчение приговора в обмен на имена людей, которые его нанимали и вместе с

которыми он действовал: у Часовщика имелась обширная сеть коллег по преступному ремеслу, о которых полиции хотелось бы знать. Ходили также слухи о планах, которые Логан составил перед тем, как оказаться в тюрьме.

Но Часовщик на сделку не пошел. Более того, он признал себя виновным, лишив Райма очередной возможности узнать побольше о нем самом, о членах его семьи и сообщниках. Райм даже планировал использовать технологию распознавания лиц для установления личностей присутствующих на суде. Однако в конце концов он понял, что тяжело воспринимает уход из жизни Логана из-за своего второго взгляда на смерть – то есть из-за связи между ними. Нас часто заставляет жить то, что противостоит нам. И со смертью Часовщика Линкольн Райм в каком-то смысле умер тоже.

Он посмотрел на двух других людей в комнате. Один был самым младшим в его команде – патрульный полицейский Рон Пуласки, собиравший улики по делу ограбления с убийством возле муниципалитета.

Другой был помощник Райма, Том Рестон, красивый, стройный, как всегда безупречно одетый. В тот день на нем были темно-коричневые брюки с острыми на зависть складками, светло-желтая рубашка и зеленый с коричневым галстук – с него как будто смотрели два обезьяньих лица. Сам Райм обращал на одежду мало внимания. Его черные рубашки и зеленый свитер были теплыми и удобными для работы, а это все, что ему нужно.

– Я хочу послать цветы, – объявил Райм.

– Цветы? – переспросил Том.

– Да. Цветы. Пошли их. Полагаю, люди все еще это делают. Венки с надписью «Покойся с миром». Хотя какой в этом смысл? Что еще остается покойнику? Однако это лучше, чем «Желаю удачи», верно?

– Послать цветы... Постой. Ты имеешь в виду Ричарда Логана?

– Разумеется. Кто еще из недавно скончавшихся достоин цветов?

– Достоин цветов? – переспросил Пуласки. – Линкольн, я никак не ожидал от тебя такого высказывания.

– Да, цветов, – раздраженно повторил Райм. – Почему бы их не отправить?

– А почему ты в дурном настроении? – поинтересовался Том.

«Иногда мы походим на старую супружескую пару», – подумал Райм. И ответил:

– Я не в дурном настроении. Просто хочу послать цветы в похоронное бюро. Но никто этого не делает. Адрес можно узнать в медцентре, где делали вскрытие. Оттуда должны были отправить труп в похоронное бюро. В медцентрах ведь не бальзамируют и не кремируют.

– Знаешь, Линкольн, – заметил Пуласки, – справедливость все же существует. Можно сказать, что Часовщика в конце концов настигла смертная казнь.

Белокурый, решительный и усердный Пуласки обладал блестящими задатками для работы на месте преступления, и Райм взял на себя обязанности его наставника. Это предполагало не только наставления в криминалистике, но и обучение способности думать. В настоящее время Рон, похоже, этого не делал.

– Послушай, новичок, а каким образом случайная закупорка артерии приравнивается к правосудию? Если прокурор штата Нью-Йорк не потребовал смертной казни, можно сказать, что безвременная смерть подрывает правосудие, а не содействует ему.

– Я... – Молодой человек покраснел.

– Ну, давай отойдем от нелепых замечаний насчет цветов. Выясни, когда и куда отправили тело из медцентра «Уэстчестер мемориэл». Я немедленно пошлю туда цветы, независимо от того, будет там заупокойная служба или нет, со своей карточкой.

– Что в ней будет написано?

– Только мое имя.

– Цветы? – послышался голос Амелии Сакс из коридора, ведущего на кухню и к задней двери таунхауса. Она вошла в гостиную, кивнув всем в знак приветствия.

– Линкольн хочет послать цветы в похоронное бюро для Ричарда Логана. Заняться этим придется мне, – пояснил Пуласки.

Амелия повесила свою черную куртку на вешалку в коридоре. На ней были облегающие черные джинсы, желтый свитер и черный шерстяной жакет. Единственным указанием на ее звание полицейского детектива был «глок» высоко на бедре, хотя логическая связь между оружием и службой в полиции могла быть лишь предположительной. Впервые увидев эту высокую стройную женщину с прямыми, густыми рыжими волосами, можно было принять ее за манекенщицу. Амелия и являлась ею до поступления в полицейское управление Нью-Йорка.

Сакс подошла к Райму и поцеловала его в губы. Он ощутил вкус губной помады и запах пороховой гари; утром она была в тире.

При мысли о косметике Райм вспомнил, что человек, убитый и ограбленный возле муниципалитета, брился перед самым уходом с работы: почти незаметные остатки крема для бритья и крохотные волоски бороды были обнаружены прилипшими к щекам и шее. Кроме того, он использовал средство после бритья. Пока Райм обдумывал эти факты, возможно, имевшие значение для расследования, Сакс сидела неподвижно. Наконец она произнесла:

– Значит, он собирался не домой, а возможно, на свидание – для друзей не бредутся. Знаешь, Райм, если бы он провел последние пять минут в туалете, все оказалось бы по-другому. В тот вечер он бы уцелел. И, возможно, жил бы долго и счастливо.

Или мог бы сесть пьяным в машину и врезаться в автобус со школьниками, подумал Райм. Анализировать прихоти судьбы – пустая трата времени.

Взгляд на смерть номер один, взгляд на смерть номер два.

– Знаешь похоронное бюро? – спросила Сакс.

– Нет еще.

Не подозревая, что его вот-вот арестуют, и полагая, что он убьет Райма через несколько минут, Логан пообещал сохранить жизнь Сакс. Возможно, это милосердие было еще одной причиной того, что Райм переживал из-за его смерти.

Том обратился к Амелии:

– Кофе? Может, еще чего-нибудь?

– Спасибо, только кофе.

– А вы, Линкольн?

Криминалист покачал головой.

Помощник вернулся с чашкой и протянул ее Сакс, та взяла кофе и поблагодарила его. Хотя почти все нервные окончания Райма были бесчувственными, его вкусовые клетки действовали превосходно, и он знал, что Том Рестон готовит очень хороший кофе. Никаких гранул, никакого предварительного помола. Даже слова «растворимый» в его лексиконе не было.

Помощник сказал Сакс с кривой улыбкой:

– Ну так вот, насчет цветов. Что ты думаешь об эмоциональной составляющей Линкольна?

Амелия грела ладони о чашку.

– Нет, Том, думаю, в его намерении есть система.

«Узнаю Сакс. Она всегда думает». Это была одна из причин любви к ней. Их глаза встретились. Райм понимал, что его улыбка, пусть и едва заметная, соответствует ее широкой ухмылке.

Сакс продолжала:

– Часовщик всегда представлял собой загадку. Мы знали о нем очень немного – у него были связи с Калифорнией, вот почти и все. Какие-то дальние родственники, которых мы не смогли найти, и никаких сообщников. Возможно, это шанс найти людей, знавших его и работавших с ним – легально или в его преступных проектах. Правда, Райм?

На сто процентов, подумал он. И сказал Пуласки:

– Когда найдешь похоронное бюро, поедешь туда.

– Я?

– Это будет твоя первая работа в штатском.

– Не первая, – поправил тот.

– Первая в похоронном бюро.

– Это верно. Как мне назваться?

Райм сказал первое, что пришло в голову:

– Гарольд Голубь.

– Гарри Голубь?

– Я думал о птицах. – Райм указал подбородком на сапсанов на карнизе, которые жались друг к другу, чтобы укрыться от ветра. В плохую погоду они предпочитали устраиваться пониже.

– Гарри Голубь. – Патрульный покачал головой. – Не пойдет.

Сакс засмеялась. Райм состроил гримасу.

– Тогда придумай себе имя сам.

– Стэн Валеса. Это отец моей матери.

– Превосходно. – Райм бросил раздраженный взгляд на ящик в углу комнаты. – Вон там. Возьми один.

– Что это?

Сакс объяснила:

– Одноразовый мобильный. Их там с полдюжины. Мы держим их специально для таких операций.

Молодой полицейский выбрал телефон.

– «Нокиа». Хм. Хороший аппарат, – язвительно заметил он. – Современный.

Не успел он нажать на кнопки, как Сакс сказала:

– Обязательно запомни номер, чтобы не маяться, если кто спросит.

– Конечно. Непременно.

Пуласки набрал номер своего телефона, запомнил его и отошел, чтобы позвонить. Сакс и Райм занялись протоколом осмотра места убийства с ограблением возле муниципалитета и обменялись несколькими замечаниями. Пуласки вернулся.

– В медцентре говорят, что ждут указаний, куда отправить тело. Директор морга сообщил, что ему позвонят через несколько часов.

Райм внимательно посмотрел на него.

– Ты готов к этому?

– Думаю, что да. Конечно.

– Если будет заупокойная служба, уходи. Если нет, подойди к похоронному бюро, когда будут забирать останки. С цветами от меня. Начни разговор так: «Человек, которого Ричард Логан хотел убить и который посадил его в тюрьму, прислал цветы на его похороны».

– Кем должен быть Валеса?

– Сообщником Логана. Точно не знаю. Нужно будет подумать. Но это должен быть человек опасный и загадочный. – Райм нахмурился. – Хотелось бы, чтобы ты не выглядел мальчишкой, прислуживающим в алтаре. Было такое в твоей биографии?

– Прислуживал вместе с братом.

– Постарайся выглядеть непривлекательно.

– И казаться опасным, – добавила Сакс, – хотя это будет потруднее, чем загадочным.

Том принес Райму кофе в чашке с соломинкой. Очевидно, заметил, как тот смотрел на Сакс. Райм кивком поблагодарил его. Старая супружеская пара...

– Линкольн, сейчас на душе полегчало, – заговорил Том. – С минуту мне казалось, что ты проявляешь слабость, и это сбивало с толку. Но то, что ты решил понаблюдать за семьей покойного, восстановило мою веру в тебя.

– Это совершенно логично, – пробурчал Райм. – Ты же знаешь, я не такой бесчувственный, как все считают.

Однако отчасти Раймом двигала и сентиментальность – он хотел выразить уважение достойному противнику и полагал, что Часовщик сделал бы для него то же самое.

Взгляд на смерть номер один и взгляд на смерть номер два, разумеется, не исключали друг друга. Райм склонил голову.

– Что такое? – спросила Сакс.

– Какая температура воздуха?

– Около нуля.

– Значит, на ступеньках снаружи лед?

В таунхаусе Райма были и лестница, и пандус для инвалидных колясок.

– Сзади был, – ответила она, – спереди, наверно, тоже.

– Думаю, у нас вот-вот появится гость.

Хотя это замечание было в значительной мере шутливым, Райм подумал, что после несчастного случая, лишившего его многих возможностей восприятия действительности, сохранившиеся стали более острыми. В частности, слух. Он услышал, как кто-то с хрустом поднимается по передним ступенькам.

Через несколько секунд раздался звонок, и Том пошел открыть дверь. По звуку шагов в коридоре стало ясно, кто пожаловал.

– Лон.

Старший детектив Лон Селлитто показался из-за угла и прошел под аркой, снимая на ходу элегантное пальто фирмы «Берберри» – цвета бронзы и сильно помятое, как почти вся его одежда, казавшаяся неопрятной из-за полноты и небрежности хозяина. Райм удивлялся, почему он не носит темные вещи, на которых помятость будет не так заметна. Когда пальто было снято и брошено на плетеное кресло, Райм обратил внимание, что темно-синий костюм тоже заметно измят.

– Дрянная погода, – пробормотал Селлитто. Он провел ладонью по редющим черным с проседью волосам, и на пол упало несколько капель мокрого снега. Детектив проследил за их падением. От его ног оставались грязные следы.

– Прошу прощенья, натоптал, – сказал он.

Том ответил, что не стоит беспокоиться, и принес ему чашку кофе.

– Дрянная, – повторил детектив, грея ладони о чашку, как до него Сакс. Глянул в сторону окна, за которым помимо соколов видны были мокрый снег, туман, черные ветви и кое-какие детали Центрального парка.

Райм редко покидал дом, да и в любом случае погода мало что для него значила, если только не являлась фактором при осмотре места преступления. Или не помогала его системе раннего обнаружения гостей.

– Это дело почти закончено, – сообщил он, указав подбородком на протокол осмотра места преступления возле муниципалитета.

– Да, да, я здесь не поэтому, – скороговоркой произнес Лон.

Внимание Райма обострилось. Селлитто был детективом в отделе расследования тяжких преступлений, и если он приехал не за этим протоколом, то, возможно, на горизонте появилось еще что-то, более интересное. Благоприятным знаком было то, что Селлитто заме-

тил поднос с печеньем, приготовленным Томом, и отвернулся, словно ничего не видел. Значит, задача у него была важной и поэтому интересной.

– Линк, сегодня нам позвонили из отдела расследования убийств в Сохо. Мы тянули жребий, и выбор пал на тебя. Надеюсь, ты свободен.

– Как выбор мог пасть на меня, если я не тянул жребия?

Глоток кофе. Слова Райма были пропущены мимо ушей.

– Дело сложное.

– Я слушаю.

– Женщину увели из подвала в магазине, где она работала. Это какой-то бутик. Убийца вытащил ее через дверцу лаза в туннель под зданием.

Райм знал, что под Сохо находится целый лабиринт туннелей, прорытых много лет назад для перевозки товаров из одного места в другое. И всегда был уверен, что их превращение в зону убийств – просто вопрос времени.

– Изнасилование? – уточнила Сакс.

– Нет, Амелия, – ответил Селлитто. – Преступник, видимо, тату-мастер. И, судя по сообщению, отличный. Он нанес ей татуировку. Только не краской. Ядом.

Райм был криминалистом много лет и часто делал точные выводы из скудных предварительных данных. Но умозаключения складывались лишь тогда, когда новые факты соотносились с уже известными. На памяти Райма это сообщение было единственным в своем роде и не становилось отправной точкой ни для каких версий.

– Какой яд использовался?

– Они не знают. Я же говорю, это произошло только что. Место преступления охраняется.

– Еще один вопрос, Лон. Какой рисунок он нанес?

– Говорят, несколько слов.

Еще интереснее.

– Знаешь каких?

– Звонившие не сообщили. Но говорят, это похоже на часть фразы. И ты можешь догадаться, что это значит.

– Ему потребуются новые жертвы, – сказал Райм, бросив взгляд в сторону Сакс. – Для остальной части сообщения.

Глава 4

– Имя Хлоя Мур, возраст двадцать шесть лет, – рассказывал Селлитто. – Почти безработная актриса – съемки в рекламе, несколько ролей без слов в триллерах. Работала в бутике, чтобы сводить концы с концами.

Сакс задавала стандартные вопросы: трудности с любовником, мужем или с тем и другим?

– Нет, ничего подобного не было. Я начал опрос в том районе, но продавщицы в магазине и соседка по комнате уверяют, что она общалась с приличными людьми. Была очень скромной. Любовника в настоящее время не было, ссор с кем-то тоже.

Интерес Райма усилился.

– Были у нее еще какие-то татуировки, кроме той, что повлекла за собой смерть?

– Не знаю. Как только группа медэксперта объявила ППМ, прибывшие туда первыми спасатели тут же уехали.

ППМ – «потерпевший признан мертвым». Это официальное заявление городского медицинского эксперта означает начало всех процедур. После объявления ППМ никому нет смысла оставаться на месте преступления. Райм знал, что спасатели покинули его, чтобы случайно не уничтожить следы.

– Хорошо, – сказал он Селлитто. Его взгляд на эту смерть определенно относился к «номеру один». – Так, Сакс. Как у нас дела с убийством возле муниципалитета?

Амелия посмотрела на протокол осмотра того места преступления.

– По-моему, все сделано. Ждем сведений о людях, которые покупали такие ножи. Но, держу пари, преступник не пользовался кредитной карточкой и не заполнял анкету о качестве обслуживания. Больше там делать нечего.

– Согласен. Хорошо, Лон, мы беремся за это дело. Хотя, должен заметить, ты об этом и не просил. Вытащил за меня жребий, а потом притопал сюда по слякоти в уверенности, что я не откажусь.

– Линк, а что еще, черт возьми, тебе делать? Кататься на лыжах по Центральному парку?

Райму нравилось, когда люди не сюсюкали с ним из-за его состояния, не боялись отпустить шутки, как Селлитто. И, напротив, его приводило в бешенство, когда с ним обращались как со сломанной куклой.

Успокойся, успокойся, бедняга...

– Я звонил в отдел экспертизы в Куинсе, – сообщил Селлитто. – Они выслали АБР⁴. Амелия, тебе позволено прибыть первой.

– Еду. – Сакс надела шерстяной шарф и перчатки, взяла с вешалки другую кожаную куртку, подлиннее, до середины бедра.

За все годы знакомства Райм ни разу не видел ее в пальто. Только в кожаных или спортивных куртках. Изредка в ветровке, если Амелия не была на секретном задании или тактической операции.

Ветер снова обрушился на старые окна, рамы задребезжали, и Райм хотел сказать Сакс, чтобы она вела автомобиль осторожно – машина у нее была среднего размера, с мощным мотором и задним приводом, плохо слушающаяся руля на льду, – но говорить Сакс об осторожности было бессмысленно, как Райму о терпеливости: этих качеств у них попросту не имелось.

– Тебе нужна помощь? – спросил Пуласки.

⁴ Автомобиль быстрого реагирования.

Райм задумался и посмотрел на Сакс.

– Он тебе нужен?

– Не знаю. Пожалуй, нет. Одна жертва, ограниченное пространство.

– Пока что, новичок, будешь нашим тайным плакальщиком на похоронах. Оставайся здесь. Придумаем тебе легенду.

– Хорошо, Линкольн.

– Я позвоню с места, – сказала Сакс, взяла черную брезентовую сумку с переговорным устройством, по которому общалась с Раймом, находясь на объекте, и быстро вышла. Раздалось завывание ветра, потом, после скрипа и хлопка двери, наступила тишина.

Райм увидел, что Селлитто протирает глаза. Лицо его было серым, изможденным. Детектив, заметив, что Райм смотрит на него, пояснил:

– Это чертово музейное дело. Совсем не спал. Кто вламывается в помещение, где картин на миллиард долларов, разгуливает по нему и выходит с пустыми руками? Никакого смысла.

На прошлой неделе по крайней мере трое ловких преступников проникли в музей «Метрополитен» на Пятой авеню после его закрытия. Видеокамеры оказались отключены, сигнализация тоже. Дело было нелегким, но тщательный обыск места преступления выявил, что преступники задержались в двух местах: в зале древнего оружия, открытом для посетителей и восторгавшем школьников – с мечами, секирами, панцирями и сотнями других искусных приспособлений для отсечения частей тела, – и в подвале, где находились архивы, хранилища и реставрационная мастерская. Они ушли через несколько часов и вновь включили сигнализацию – дистанционно. Картина вторжения была воссоздана в результате компьютерного анализа неполадок системы безопасности и физического осмотра помещений после обнаружения бездействия сигнализации.

Казалось, взломщики вели себя точно так же, как и многие посещавшие музей туристы: посмотрели, заскучили и отправились в ближайший ресторан или бар. Полная инвентаризация показала, что хотя некоторые вещи в обоих местах передвигали, взломщики не похитили ни одной картины, ни одного предмета коллекционирования или даже упаковки стикеров. Следователи на месте преступления – по этому делу Райм и Сакс не работали – были потрясены громадными площадями, которые требовалось осмотреть: выставка оружия и средств защиты была достаточно большой сама по себе, а сеть архивов и хранилищ тянулась под землей далеко на восток от Пятой авеню.

Дело требовало времени, но Селлитто признал, что это было не самым худшим.

– Политика. Политика, черт бы ее побрал, – объяснил он. – Его честь мэр думает, что вторжение в его сокровищницу выглядит скверно. В переводе это означает: «Моя команда работает сверхурочно, и к черту все остальное». Линк, у нас в городе есть террористические угрозы. Красный, оранжевый или какой там цвет уровня угрозы обозначает, что дела наши из рук вон плохи⁵. У нас есть группа Тони Сопрано. А чем занимаюсь я? Тщательно осматриваю каждую пыльную комнату, каждое непонятное полотно, каждую статую. Линк, хочешь знать мое отношение к искусству?

– Каково же оно, Лон? – спросил Райм.

– К черту искусство. Вот мое отношение.

Но теперь новое дело – мастера смертельной татуировки – отодвинуло старое на задний план, к явному облегчению детектива.

– Раз появляется такой убийца, газеты будут недовольны тем, что мы тратим время из-за картин с кувшинками и статуй греческих богов с крохотными достоинствами. Видел

⁵ Уровни террористической угрозы различаются по цветам: красный, оранжевый, желтый, синий, зеленый. Наивысшую степень опасности обозначает красный.

ты эти статуи, Линк? Кое-кто из этих ребят... Право, некоторым натурщикам следовало бы попросить скульптора добавить дюйм-другой. – Лон грузно опустился в кресло и отпил еще кофе, по-прежнему не проявляя интереса к печению.

Райм нахмурился.

– Лон, один вопрос.

– Да?

– Когда именно произошло это убийство?

– Около часа назад. Может, около полутора.

– Анализ яда так быстро не сделать, – пришел в недоумение Райм.

– Да, медэксперт сказал, что нужно около двух часов.

– Тогда как они узнали, что жертва отравлена?

– Один из медиков вел дело об отравлении года два назад. Он сказал, что это можно определить по искривлению губ и позе, вызванным болью. Жуткая смерть. Линк, мы должны найти этого сукина сына.

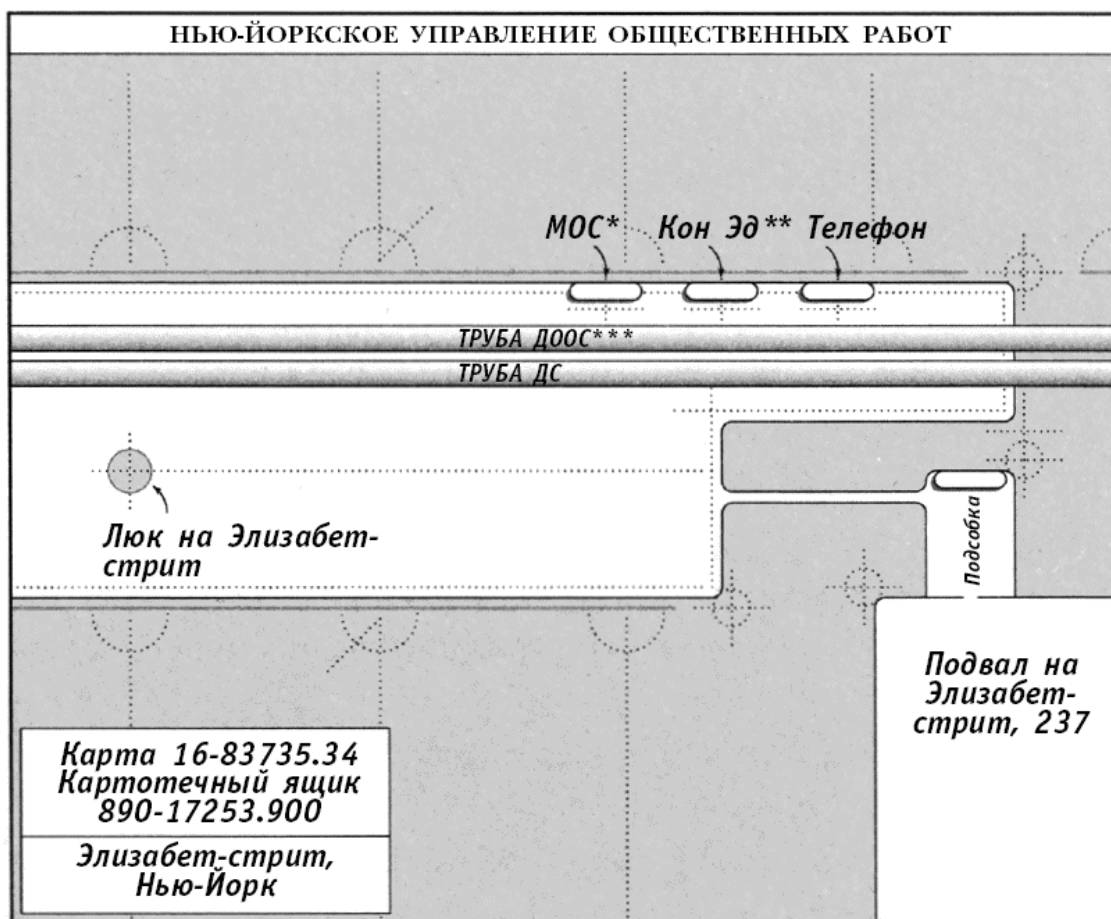
Глава 5

Замечательно. Прямо-таки превосходно. Стоя в подвале бутика, где была похищена Хлоя Мур, Амелия Сакс, морщась, наклонилась и заглянула в подсобку. Она посмотрела в узкий туннель, ведущий из этого помещения к месту преступления – очевидно, большому туннелю, где Хлоя и была убита.

Тело было едва видно и ярко освещено прожекторами, которые установили спасатели. У Сакс вспотели ладони, она продолжала вглядываться в узкий туннель, по которому ей придется ползти.

Прямо-таки превосходно.

Она вернулась в подвал, сделала несколько глубоких вдохов, втягивая в легкие затхлый воздух. Несколько лет назад Линкольн Райм создал информационную базу о расположении подземных помещений, взяв сведения в департаменте строительства и других правительственных учреждениях города. Амелия вывела ее на экран своего айфона и со страхом осмотрела.

* Международные оптоволоконные сети.

** Крупнейшая газовая и электрическая компания США.

*** ДООС – департамент охраны окружающей среды; ДС – департамент санитарии.

«Откуда берутся фобии? – подумала Сакс. – Из каких-то детских травм, из генетической памяти, которая не позволяет прикасаться к ядовитым змеям или прыгать на горных выступах?»

Змеи и высота ее не волновали, проблему представляла клаустрофобия. Если бы она верила в переселение душ, то могла бы представить, что в одном из ранних воплощений была похоронена заживо. Или, если следовать логике кармы, была жестокой королевой, которая таким образом расправлялась с соперницами.

Рослая, под шесть футов, Сакс посмотрела на карту своей судьбы: проход диаметром двадцать восемь – тридцать дюймов вел из подсобки в более просторный транспортный туннель, где было совершено убийство. Узкий проход, судя по карте, имел длину двадцать три фута.

Это круглый гроб, подумала она.

К месту убийства можно было добраться и через люк, находящийся в тридцати футах от тела. Убийца вполне смог проникнуть этим путем, но Сакс понимала, что ей придется пробираться через узкий туннель, отыскивая при этом следы, поскольку он наверняка прополз по нему в подвал бутика и протащил Хлою, перед тем как убить.

– Сакс? – сквозь треск раздался в наушнике голос Райма. Она подскочила и убавила громкость. – Где ты? Я ничего не вижу.

В переговорном устройстве Амелии были не только микрофон и наушник, но и видеокамера высокой четкости размером с пальчиковую батарейку. Сакс включила ее и услышала:

– Отлично. – Потом ворчливое: – Все-таки очень темно.

– Потому что *вокруг* темно. Я в подвале и собираюсь влезть в туннель диаметром с хлебную корзину.

– Я ни разу не видел хлебной корзины, – ответил Райм. – И не уверен, что они существуют. – Он всегда бывал в хорошем расположении духа, начиная работать на новом месте преступления. – Ну, за дело. Осматривай все внимательно. Посмотрим, что у нас есть.

Сакс часто брала с собой эту аппаратуру, отправляясь на задание. Райм давал ей советы – правда, теперь гораздо реже, чем в начале их совместной работы, когда она была новенькой. Ему нравилось и следить за ее безопасностью, хотя в этом он не признавался. Линкольн требовал, чтобы детективы осматривали место преступления в одиночку, – иначе они слишком часто отвлекались. Лучшие эксперты-криминалисты устанавливали с местом преступления психологическую связь, отождествляя себя то с жертвой, то с преступником, и благодаря этому находили улики, которые иначе могли бы пропустить. Такая связь невозможна или почти невозможна, когда с тобой работает кто-то еще. Но одиночество связано с риском. Поразительно, сколько раз место преступления оказывалось опасным. Убийца возвращался или оставался и нападал на полицейского. Однажды случилось даже нападение, никак не связанное с расследованием. На Сакс бросился бездомный сумасшедший, решивший, что она пришла украсть его воображаемую собаку.

Амелия еще раз заглянула в подсобку, чтобы показать ее Райму, а потом бросила взгляд в мрачный, словно вход в ад, туннель.

– Ага, – произнес Райм, поняв ее озабоченность. – Действительно, хлебная корзина.

Сакс в последний раз проверила свое снаряжение. На ней были белый комбинезон, капюшон и синтетические бахилы. Поскольку убийца воспользовался ядом, дышала она через респиратор Н-95. По информации, полученной от спасателей, яд был введен татуировочным пистолетом, и они не заметили распыленных в воздухе реактивов, однако зачем рисковать?

В затхлом, сыром подвале бутика «Шез Норд» послышались приближающиеся шаги. Сакс оглянулась на коллегу – симпатичную женщину, помогавшую осматривать бутик. Она уже несколько лет знала Джин Иглстон – одну из лучших экспертов по осмотру места

преступления. Иглстон допрашивала управляющую магазином, обнаружившую тело. Сакс поинтересовалась, подходила ли управляющая к месту, где лежал труп Хлои, чтобы выяснить, что случилось с продавщицей.

– Нет, – ответила Иглстон. – Она заметила, что дверь открыта, заглянула в подсобку и увидела тело. Этого для нее оказалось достаточно. Дальше она не пошла.

Нельзя винить управляющую, подумала Сакс. Если даже не испытываешь клаустрофобии, зачем лезть в безлюдный туннель, где лежит очевидная жертва убийства и, возможно, все еще находится преступник?

– Как она могла увидеть жертву? – спросил Райм, слышавший их разговор. – Мне показалось, я вижу оставленное спасателями освещение. Значит, там не было темно?

Сакс переадресовала этот вопрос Иглстон, но та не смогла на него ответить.

– Управляющая сказала лишь, что увидела тело.

– Ладно, выясним, – пообещал Райм.

Иглстон добавила:

– На месте преступления, кроме нее, были только полицейский в форме и медик. Но они вышли, как только убедились, что жертва мертва. Стали ждать нас. У меня есть образцы их следов, так что обращать внимания на них не нужно. Они сказали, что прикасались только к жертве, чтобы определить ее состояние. А фельдшеры «Скорой» были в перчатках.

Стало быть, загрязнение места преступления – появление следов, не имеющих отношения к преступлению, – будет минимальным. Это единственный плюс при работе в такой дыре. Место преступления на улице оказывалось под воздействием десятков факторов – от летящей пыли, проливного дождя и сильного мокрого снега (как сегодня) до прохожих и даже охотников за сувенирами. Но больше всего загрязняют его собратья-полицейские, особенно начальство, рисующееся перед репортерами, чтобы попасть в удачный кадр и появляться на телеэкранах в каждом выпуске новостей.

«Ладно, – подумала Амелия Сакс, бросив еще один взгляд в круглый гроб. – Пора сжимать кулаки...»

Это была фраза ее отца, работавшего патрульным полицейским на маршруте Дьюс – Южный Мидтаун. Таймс-сквер тогда походила на Дедвуд⁶ 1800-х годов, а фраза «Пора сжимать кулаки» относилась к тем минутам, когда приходилось действовать, преодолевая самые серьезные страхи.

Хлебная корзина...

Сакс вернулась к двери и спустилась в подсобку, расположенную ниже подвала. Потом взяла у Иглстон сумку для сбора улик. Спросила:

– Джин, ты обыскивала подвал?

– Обыщу сейчас, – ответила Иглстон. – А потом передам все АБР.

Подвал они осмотрели быстро. Но было очевидно, что преступник провел там совсем немного времени. Схватил Хлою, как-то подавил ее сопротивление и оттащил к двери в подсобку: здесь отметины от ее каблуков были ясно видны.

Сакс поставила на землю тяжелую сумку и открыла ее. Сфотографировала и собрала улики в подсобке, хотя, как и в подвале, преступник и жертва провели там мало времени: он хотел увести ее оттуда как можно скорее. Амелия складывала улики в пластиковые и бумажные пакеты, наклеивала на них этикетки и ставила на пол в подвале, чтобы другие спустившиеся туда полицейские доставили их в АБР.

Потом Сакс повернулась к крохотному отверстию хода и посмотрела в него, как смотрят в дуло пистолета в руке преступника.

Хлебная корзина...

⁶ Дедвуд – город в Южной Дакоте с высоким уровнем преступности. О нем снят одноименный сериал.

Она стояла на месте, слыша, как колотится сердце.

– Сакс, – прозвучал в наушнике голос Райма.

Она не ответила.

Линкольн мягко сказал:

– Понимаю. Но... – Что означало: «Пошевеливайся».

Все правильно.

– Поняла, Райм. Не беспокойся.

Пора сжимать кулаки...

Ход не такой уж длинный, успокаивала себя Амелия. Двадцать три фута. Это пустяки. Потом по какой-то необъяснимой причине ее возмутили футы, превышавшие число двадцать. Когда она подошла к отверстию, ее ладони сильно вспотели; кожа головы тоже, она зудела сильнее, чем обычно. Амелии захотелось почесаться, запустив ногти, – нервная привычка. Это желание усилилось, когда она оцепенела – во всех смыслах: физически, эмоционально и интеллектуально.

Как она ненавидела это состояние статичности!

Амелия дышала часто и неглубоко.

Сориентировавшись, она коснулась «глока-17» в пристегнутой к бедру кобуре. Оружие представляло небольшой риск загрязнения, даже если ей не придется стрелять, но давало ощущение безопасности. А если преступник и планировал напасть на собирающего улики полицейского, это должно было произойти здесь.

Сакс привязала сумку для улик нейлоновой веревкой к поясу, чтобы она волочилась за ней. Вперед! Остановившись перед отверстием, Амелия опустилась на четвереньки и полезла в ход. Она не хотела включать головной прожектор – видеть туннель ей было неприятнее, чем сосредоточиваться на цели в его конце, – но боялась упустить какие-нибудь улики.

Раздался щелчок, и под галогенным лучом металлический гроб словно сузился и заключил ее в свою стальную оболочку. Вперед!

Сакс вынула из кармана липкую щетку-ролик и начала вести ею по основанию туннеля, двигаясь вперед. Она понимала, что из-за тесноты и, возможно, борьбы преступника с жертвой он, скорее всего, оставил оброненные улики, поэтому сосредоточилась на швах и неровностях, где могли остаться какие-то следы.

Ей вспомнилась старая шутка Стивена Райта: «Я пошел в больницу на обследование. Хотел узнать, страдаю ли клаустрофобией».

Однако юмор и сосредоточенность на задаче ненадолго отогнали страх.

Его ледяное лезвие пронзило ее, когда Амелия преодолела треть пути. Вылезай, вылезай, вылезай!

Несмотря на духоту, у нее застучали зубы.

– Все отлично, Сакс, – послышался баритон Райма в наушнике.

Она была благодарна ему за поддержку, но не хотела ее и убавила громкость.

«Еще несколько футов. Дыши, дыши. Сосредоточься на работе».

Сакс старалась сосредоточиться. Но ее руки ослабели, она выронила ролик-щетку, и от лязга ручки о металлическое покрытие туннеля у нее перехватило дыхание.

А потом она обезумела от страха. Решила, что этот неизвестный субъект – Икс – позади нее. Как-то забрался на крышу подсобки, потом слез на пол и ползет вслед за ней. «Почему я не посмотрела вверх? Всегда поднимай взгляд на месте преступления! Черт».

Рывок. Она ахнула. Это не сумка для улик зацепилась за что-то. Нет, это рука преступника! Он хочет связать ее. А потом заполнить туннель грязью, медленно, начиная с ее ног. Или залить водой. В подсобке она слышала, как капает вода – здесь должны быть трубы. Он снимет заглушку, откроет вентиль. Она утонет, она будет кричать, пока вода станет подниматься, и не сможет двинуться ни взад, ни вперед. Нет!

То, что это было совершенно невероятно, не имело значения. Страх превращал неправдоподобное, даже невозможное в более чем вероятное. Страх стал еще одним обитателем туннеля, он дышал, целовал, приставал, обвивал похожими на щупальца руками ее тело.

Сакс разозлилась на себя: «Не сходи с ума. У тебя существует опасность получить пулю, когда вылезешь из туннеля, а не быть заживо закопанной несуществующим преступником с несуществующей лопатой. Туннель никак не обрушится и не стиснет тебя, как мышь в челюстях змеи. Этого... не... может... случиться...»

Но потом этот образ – змея и схваченная мышь – проник в ее сознание, и страх усилился. «Черт. Я проиграю эту игру. Проиграю к чертовой матери».

Конец туннеля находился уже примерно в восьми футах, и ее охватило желание выбежать из него, но она не могла этого сделать. В такой тесноте можно было только ползти. И, кроме того, Сакс понимала, что попытка спешки может привести к несчастью. Прежде всего, она рискует пропустить улики. К тому же более быстрое движение лишь усилит ужас, который зреет в ее сердце и угрожает взорваться.

И наконец, бегство из туннеля, даже будь оно возможным, стало бы поражением. Ее личным заклинанием – тоже взятым у отца – стал девиз: «В движении тебя не схватить». Но иногда, как теперь, ее можно было схватить именно в движении.

Поэтому Сакс приказала себе: «Остановись!» И остановилась. Замерла полностью. Она ощутила, как зловещие руки туннеля обхватили ее еще крепче. Страх вздымался, словно волны, и ранил, как ледяной нож.

«Не шевелись. Будь с ним, – велела себе Амелия. – Смело встречай его. Смотри ему в лицо». Ей казалось, что Райм обращается к ней, она слышала шелест его отдаленного голоса – недоумевающего, или озабоченного, или раздраженного, а может, все вместе. Громкость головного телефона понизилась до молчания.

«Дыши!» Сакс задышала. Вдох-выдох. Глаза ее были открыты и смотрели на диск света впереди – ее скорое избавление. «Нет, не думай об этом. Улики. Ищи улики. Это твоя работа». Амелия начала осматривать металлическую оболочку, дюйм за дюймом.

И жало страха стало отдаляться. Не исчезло полностью, но отступило. «Отлично». Сакс продолжала ползти по туннелю, выискивая следы, собирая всякую мелочь, намеренно двигаясь медленнее, чем раньше. И наконец снаружи оказалась ее голова, а потом и плечи. Словно заново родившись на свет, Амелия негромко засмеялась и сморгнула заливавший глаза пот. Потом быстро переползла в более просторный туннель: по сравнению с узким лазом он показался концертным залом. Приподнявшись и полуприсев, она вынула «глок» из кобуры.

Но в нее никто не целился, по крайней мере, вблизи. Прожектора ярко светили, и угроза могла находиться в темноте за освещенным пространством. Амелия тут же навела в ту сторону луч фонарика, – никого.

Поднявшись, Сакс вытащила из туннеля свою сумку. Огляделась и убедилась, что чертеж из базы данных Райма был точен. Туннель походил на ствол шахты, его площадь составляла около двадцати квадратных футов. Он уходил на запад, в темноту. Амелия знала, что столетие назад его использовали для перевозки на тележках товаров на фабрики и склады. Теперь сырые, влажные туннели служили коридорами только для инфраструктуры Нью-Йорка. Наверху проходили толстые железные трубы, более тонкие алюминиевые и полихлорвиниловые, возможно, для электрических кабелей, проведенных через старые соединительные муфты. Новые трубопроводы выходили из ярко-желтых ящиков, запертых на висячие замки. Они были помечены буквами МОС. Сакс не знала, что они означают. На железных трубах были буквы НЙ ДООС и НЙ ДС – обозначения департаментов охраны окружающей среды и санитарии – учреждений, занимавшихся городской канализацией и водоснабжением.

Амелия вдруг сообразила, что стоит в полной тишине, и увеличила громкость рации.

– ... возьми, что происходит?

– Извини, Райм, – ответила Сакс. – Мне нужно было сосредоточиться.

Он чуть помолчал. Потом, видимо, догадался о ее борьбе с хлебной корзиной.

– Так. Хорошо. Место преступления, насколько можешь судить, безопасно?

– Непосредственно здесь, да.

В восточной стороне туннель был вымощен кирпичом, но Сакс снова посмотрела в темноту западной стороны.

– Направь туда один из прожекторов. Он ослепит каждого, кто попытается в тебя целиться. И ты сможешь увидеть его раньше, чем он тебя.

Спасатели привезли два галогеновых прожектора, установили их на треноги, подсоединили к большим аккумуляторам. Сакс повернула один из них, как посоветовал Райм, и сощурилась, глядя в удаляющийся туннель. Никаких признаков угрозы.

Сакс надеялась, что перестрелки не будет. Толстые трубы наверху, очевидно, недавно проложенные – с маркировкой ДООС, – казались сделанными из толстого железа. Разрывные пули ее «глока» не пробьют металл, но если Икс вернется с огнестрельным оружием, пули у него могут оказаться бронебойными, способными пробить трубу. Амелия подумала, что из-за громадного давления внутри пробойна может вызвать сильный взрыв. Но даже если у него будут обычные пули, рикошет от металла или обложенных камнем стен может поразить, как прямое попадание.

Она снова взглядела в туннель и не увидела в нем никакого движения.

– Чисто, Райм.

– Прекрасно. Давай действовать.

Он становился нетерпеливым. Сама Сакс уже давно горела нетерпением. Ей очень хотелось уйти отсюда.

– Начни с жертвы.

«Райм, она не просто жертва, – подумала Сакс. – У нее есть имя. Хлоя Мур. Ей было двадцать шесть лет, она работала продавщицей в бутике, продавала одежду с нитками, свисающими из швов. Получала почти минимальную зарплату, потому что была опьянена Нью-Йорком. Карьерой актрисы. Тем, что ей двадцать шесть лет. И она не заслужила смерти. Тем более такой».

Сакс натянула на бахилы резиновые ленты, чтобы отличать свои следы от следов преступника и бывших здесь до нее спасателей – следы их обуви она сфотографирует потом как контрольные образцы, – и подошла ближе к телу. Хлоя лежала на спине, блузка ее была задрана почти до груди. Сакс обратила внимание, что даже в смерти ее красивое круглое лицо искажено гримасой, мышцы напряжены. Это говорило о боли, которую испытала жертва, боли, ведущей к смерти. На ее губах виднелась пена. И обильная рвота. Запах был отвратительным. Сакс заставила себя отвлечься от него.

Руки Хлои были сомкнуты за спиной дешевыми наручниками. Пользуясь универсальным ключом, Амелия сняла их. Лодыжки жертвы стягивала клейкая лента. Сакс разрезала ее хирургическими ножницами и положила в сумку серые пыльные полосы. Поскребла под темно-красными ногтями молодой женщины, заметив волокна и грязно-белые частички. Возможно, она боролась с преступником, и значит, могли обнаружиться ценные следы, даже кусочки кожи, а если его ДНК есть в базе данных, личность можно будет установить за несколько часов.

– Сакс, я хочу видеть татуировку, – сказал Райм.

Амелия заметил маленькую синюю наколку на шее жертвы справа, возле плеча, но давнюю. Кроме того, легко было увидеть ту, что сделал убийца. Она опустилась на колени и навела видеокамеру на живот Хлои.

– Вот она, Райм.

– Его сообщение, – прошептал криминалист. – Собственно, часть сообщения. Как думаешь, что оно означает?

Глядя на буквы, Сакс понимала, что вопрос его риторический.

Глава 6

Единственное вытатуированное слово было около пяти дюймов длиной и шло горизонтально в одном дюйме над пупком жертвы.

Хотя убийца предположительно использовал яд, а не краску, буквы, слившиеся в воспаленную рану, было нетрудно прочесть.

ВМОРЮЙ

– Так, – сказал Райм, – второй. И окаймление, фестоны. Интересно, зачем они?

– Они не так распухли, как буквы, – заметила Сакс. – Возможно, в них нет яда. Они похожи на рану, а не на татуировку. И посмотри на буквы, Райм.

– На то, как превосходно они выписаны?

– Совершенно верно. Каллиграфически. Это мастер, знающий свое дело.

– И еще одно замечание. Каллиграфия, должно быть, заняла немало времени. Убийца мог бы написать это слово грубо. Или просто ввести ей шприцем яд. Да, собственно говоря, и застрелить. Что за игру он ведет?

У Сакс возникла мысль.

– А если это заняло много времени, значит, она долго мучилась?

– Да, видны болезненные реакции, но, мне кажется, они появились потом. Хлоя не могла быть в сознании, пока он писал свое сообщение. Даже если она не пыталась вырваться, невольное движение испортило бы его работу. Нет, он каким-то образом обездвигил ее. На голове есть травмы?

Сакс внимательно осмотрела голову покойной, заглянула ей под блузку.

– Нет. И я не вижу никаких следов тазера⁷. Или электрошокера... А, Райм, видишь это?

Она указала на крохотную красную точку на шее Хлои Мур.

– Место укола?

– По-моему, да. Видимо, снотворного, не яда. Нет никакой опухоли или других раздражений, какие бы вызвал яд.

– Анализ крови покажет.

Сакс сфотографировала рану, наклонилась и старательно вытерла ее, снимая следы, а потом все тело и землю вокруг него. Такой внимательный преступник должен был действовать в перчатках – похоже, так оно и было. Однако он вполне мог оставить ценные улики на жертве и на месте преступления.

Эдмон Локар, французский криминалист, живший в двадцатом веке, сформулировал «принцип обмена»: всякий раз, когда совершается преступление, происходит передача улики между преступником и местом преступления или между преступником и жертвой. Улику (которую он называет «пылью»), может быть, очень трудно обнаружить и собрать, но для усердного криминалиста-новатора она всегда существует.

⁷ Тазер – электрошоковый пистолет, стреляющий металлическими стрелами.

– Райм, здесь что-то странное.

– Странное? – В его голосе послышалось пренебрежение к этому простому слову. – Продолжай, Сакс.

– Я использую только один оставленный прожектор – другой направлен в туннель. Но тут на земле две тени. – Амелия подняла взгляд и медленно пошла по кругу, чтобы все осмотреть. – Ага, тут еще источник света наверху, между двумя трубами. Похоже, фонарик.

– Его не оставили те, кто был здесь?

– Какой полицейский или медик бросит свой «маглайт»?

Большие черные фонарики трубчатой формы, которые используют все полицейские и пожарные, бесценны – это превосходные источники света, а в схватке могут служить ударным оружием. Фонарь же, который увидела Сакс, был дешевым, пластиковым.

– Он приклеен к трубе клейкой лентой. Райм, кто может оставить здесь фонарик?

– Вот и объяснение.

– Чему? – спросила Сакс.

– Тому, как управляющая обнаружила тело. Фонарик. Это наш преступник постарался, чтобы мы нашли его сообщение.

Слова Райма показались Сакс несколько язвительными, но она всегда подозревала, что его напускная грубоватость и сардоническая манера говорить являются защитной реакцией, хотя и считала, что он возводит эти оборонительные баррикады выше, чем нужно. Сама она предпочитала оставлять свое сердце незащищенным.

– Я заберу его последним, – сообщила Сакс. – Всякий дополнительный свет мне на руку. – И она пошла по решетке – так Райм называл метод осмотра места преступления. Эта схема была наиболее логичной для поиска улик и оценки произошедшего. Полицейский медленно шел по обследуемой площади от начала до конца, потом поворачивался, делал шаг вправо или влево и возвращался к дальней стороне. Так продолжалось, пока он не доходил до конца. Потом поворачивался на девяносто градусов и снова проходил эту же площадь перпендикулярно, как при повторном кошени газона.

При каждом шаге он останавливался, смотрел вверх, вниз и в обе стороны. К месту преступления и приноживались, хотя в данном случае Сакс не могла уловить ничего, кроме запаха рвоты. Ни метана, ни фекалий, что было удивительно, так как одна из труб соединялась с городской системой канализации.

Результатов поиска было немного. Все принесенные орудия преступник забрал – помимо фонарика, наручников и обрезков клейкой ленты. Сакс сделала одну находку – небольшой комок смятой бумаги, слегка пожелтевшей.

– Сакс, что это? Я не могу разглядеть.

Она объяснила.

– Оставь его как есть; развернем здесь. Внутри может оказаться след. Возможно, оставленный ею.

Ею. Жертвой. Хлоей Мур.

– Или преступником, Райм, – заметила Сакс. – Я нашла у нее под ногтями что-то похожее на бумажные волокна.

– А, это может пригодиться.

Они дрались? Она выхватывала у него что-то? Или он хотел вырвать что-то из ее пальцев, а она силилась это удержать? Вопросы, вопросы, вопросы.

Используя дополнительные липкие ролик-щеточки и портативный пылесос, Сакс продолжала поиски. Когда находки были снабжены ярлычками и отправлены в сумку, она воспользовалась новым пылесосом и новой ролик-щеточкой для сбора следов как можно дальше от того места, где лежала Хлоя и где ходил Икс. Это были контрольные образцы – естественные следы с этого места. Если анализ в лаборатории обнаружит, к примеру, глинистую землю

у одного из следов Икс, не совпадающую с контрольными образцами, можно будет заключить, что он, возможно, живет, работает или имеет какое-то отношение к месту, где почва глинистая. Маленький шаг к поимке преступника... но все-таки шаг.

– Сакс, я не вижу следов ног.

Амелия смотрела на то место, где преступник стоял или ходил.

– Я могу сделать несколько снимков, но проку от них будет немного. На ногах у него были бахилы.

– Коллега, – пробормотал криминалист.

– Я скатаю его следы, но в электростатике нет смысла. – Сакс имела в виду листы пластика для снятия отпечатков обуви, очень похожего на снятие отпечатков пальцев. Образец следа мог не только дать представление о размере ступни, но и оказаться в большой базе данных по обуви, которую Райм создал в управлении полиции несколько лет назад. – И, помимо, у него была своя липкая ролик-щетка. Похоже, он сгреб все, что мог.

– Ненавижу умных преступников.

«Нет, – подумала Сакс. – Он ненавидит глупых. Умные соперничают с ним, представляют гораздо больший интерес». Она улыбнулась под респиратором.

– Райм, я буду молчать. Проверю пути входа и выхода, люк.

Она достала свой «маглайт», включила сильный луч и пошла по туннелю, ведущему к лестнице, поднимавшейся к крышке люка. Амелия не ощущала ни малейшей боли от артрита, мучившего ее много лет: недавняя операция оказалась успешной. Тень от галогенового прожектора тянулась перед ней искаженным силуэтом марионетки. Земля под люком была влажной. Видимо, преступник влез через него в туннель и вылез наружу. Сакс отметила этот факт и пошла дальше, в открывшееся впереди темное пространство.

С каждым шагом ей становилось все беспокойнее. Теперь уже не из-за клаустрофобии – этот туннель был неприятным, но просторным по сравнению с предыдущим. Нет, тревога ее объяснялась тем, что она увидела дело рук преступника – татуировку, надрезы, яд. Сочетание его ума, расчетливости и извращенного выбора оружия предполагало, что он мог задержаться здесь, чтобы попытаться остановить своих преследователей.

Держа фонарик в левой руке, а правую положив на «глок», Сакс шла по все более темному туннелю, прислушиваясь, не раздастся ли звук шагов, дыхание преступника, щелканье входящего в патронник патрона, снимаемого предохранителя или взводимого курка. Но этих звуков не было, хотя Сакс слышала гудение от одного или нескольких трубопроводов или желтых ящиков с буквами МОС, что бы они ни обозначали. От водопроводной трубы слышался легкий шелест.

Потом раздался скрип, что-то мелькнуло. Она тут же выхватила «глок», левой рукой продолжая сжимать «маглайт». Рука с пистолетом оперлась на предплечье, ствол его следовал за лучом фонарика, который метнулся туда-сюда. Где?

Снова выступил пот, глухо застучало сердце. Но это было совершенно не похоже на страх, вызванный клаустрофобией. Это был противный трепет – чувство предвкушения, охоты. И Амелия Сакс жила ради этого чувства.

Она была готова, палец лежал на спусковом крючке, но расслабленно; чтобы выстрелить из «глока», требуется легкое усилие.

Туда-сюда, туда-сюда... Где? Где? *Щелк...*

Сакс сделала полуприсед. Из-за стойки появилась крыса, беззаботно посмотрела в ее сторону, повернулась и поспешно убежала. Спасибо тебе, подумала Сакс, идя в ту же сторону – к далекому концу туннеля. Если крыса разгуливает так беспечно, то вряд ли там есть засада. Сакс продолжила путь и примерно через шестьдесят ярдов подошла к кирпичной стене. Там не было следов ног – обычных или в бахилах – значит, преступник здесь не проходил. Амелия вернулась к лестнице и, достав сотовый телефон, упакованный в чистый

пластиковый футляр, вывела на дисплей карту системы глобального ориентирования. Она обнаружила, что находится под Элизабет-стрит, на восточной ее стороне, у края тротуара, и увеличила громкость головного телефона.

– Райм, я под люком. – Сакс объяснила, где находится люк, и добавила, что преступник наверняка спустился в туннель через него, потому что земля под ним довольно сырая. – Здесь грязно. – Последовал вздох. – Но следов нет. Естественно. Пусть Лон устроит выборочный опрос в близлежащих магазинах и квартирах, может, кто-то видел преступника.

– Я позвоню ему. И запрошу видеопленки камер наблюдения.

Райм скептически относился к свидетелям. Считал, что в большинстве случаев с ними больше хлопот, чем они того стоят. Они не наблюдательны, у них плохая память, и они боятся связываться с полицией. Цифровое изображение гораздо надежнее. Сакс не всегда с этим соглашалась.

Она снимала отпечатки со ступенек, поднимаясь по лестнице, и складывала пленки в пластиковые пакеты.

Наверху она «откатала» внутреннюю сторону крышки люка, потом подняла маленький альтернативный источник света, чтобы поискать на поверхности отпечатки пальцев. В лампах АИС используются видимые цвета спектра (к примеру, синий или зеленый) в сочетании со светофильтрами, чтобы сделать видимыми улики, которые невозможно разглядеть в свете обычных ламп или при дневном освещении. В альтернативных источниках используются и невидимые лучи, например ультрафиолет, в котором светятся определенные вещества.

Осмотр, естественно, не выявил ни отпечатков пальцев, ни других улик, оставленных Икс. Сакс прикинула вес крышки люка: она могла приподнять ее, но лишь чуть-чуть, и решила, что та весит около ста фунтов. Открыть ее снизу трудно, но для сильного человека вполне возможно.

Сакс слышала движение машин наверху, шипение колес по мокрому снегу. Она навела свет прямо вверх и посмотрела в отверстие, куда рабочий опускает крюк, чтобы снять крышку, – нет ли следов, которые могли бы привести их к конкретной марке инструмента, которым пользовался преступник. Никаких.

И тут в отверстии появился глаз. Сакс ахнула.

– Господи...

В нескольких дюймах над ней на улице кто-то припал к крышке люка и смотрел на нее в отверстие для подъема. Сперва ничего не происходило, потом глаз стал уже, словно человек – она была уверена, что это мужчина, – слегка прищурился. Может, он улыбнулся, или забеспокоился, или просто любопытствовал, почему из крышки люка в Сохо идет свет фонарика.

Сакс отвернулась, решив, что мужчина приставит к отверстию дуло пистолета и начнет стрелять. «Маглайт» полетел вниз, она ухватилась за верхнюю ступеньку обеими руками, чтобы не упасть.

– Райм!

– Что? Что там происходит? Ты дергаешься.

– На крышке люка кто-то есть. Ты звонил Лону?

– Только что. Думаешь, это преступник?

– Возможно. Звони диспетчеру. Немедленно отправь кого-нибудь на Элизабет-стрит!

– Звоню, Сакс.

Она приставила ладонь к крышке и толкнула изо всей силы раз, другой.

Железная крышка приподнялась на долю дюйма, не больше.

– Я дозвонился до Селлитто, – сообщил Райм. – Он отправляет полицейских в форме. И людей из ОБР⁸. Они едут, приближаются.

– Думаю, он ушел. Райм, я пыталась приподнять крышку. И не смогла. Не смогла, черт возьми. Я смотрела прямо на него. Должно быть, это преступник. Кто еще встанет на колени посреди улицы в такую погоду и станет смотреть в крышку люка?

Сакс сделала еще попытку приподнять крышку, подумав, что он мог сидеть на ней и потому она не поддавалась. Но нет, это невозможно было сделать одной свободной рукой.

– Черт.

– Сакс?

– Слушаю.

– Один полицейский видел у крышки люка кого-то в коротком темно-сером пальто и вязаной шапочке. Он убежал. Скрылся в толпе на Бродвее. Белый мужчина. Хрупкого или среднего сложения.

– Черт возьми! – пробормотала она. – Это был он! Иначе зачем убегать? Райм, заставь кого-нибудь поднять крышку!

– Послушай, его преследует много людей. Продолжай ходить по сетке. Для нас это самое главное.

С колотящимся сердцем Сакс еще раз приставила ладонь к крышке люка – в тупой уверенности, что если поднимется на поверхность, то сможет найти преступника, даже если у других не получится. Амелия мысленно представила себе его глаз, опускающееся веко. Она была уверена, что преступник смеялся над ней, дразнил, потому что она не могла поднять крышку.

Какого цвета была радужная оболочка? Зеленого, серого, карего? Она не догадалась запомнить цвет. Эта оплошность ее бесила.

– Мне кое-что пришло на ум, – вернул ее к действительности Райм.

– Что?

– Мы знаем, как он проник в туннель, – через этот люк. Это означает, что он готовил место действия. У него должны быть дорожные конусы и лента или какое-то ограждение. И это может обнаружиться на видео.

– Или его мог видеть свидетель.

– Да, мог. Хотя, кто знает.

Сакс спустилась с лестницы и вернулась к убитой. Она уже наскоро проверила, не было ли изнасилования, но теперь с лампой АИС стала искать следы двух «С», присутствующих в большинстве сексуальных преступлений, – семени и слюны.

Таких следов она не обнаружила, но стало ясно, что преступник ощупывал кожу жертвы рукой в перчатке – во всяком случае, живот, руки, лицо и шею. Другие части тела казались нетронутыми.

Сакс осветила лампой остальную часть места преступления – от люка до хлебной корзины – и ничего не нашла.

Оставалось только забрать фонарик, который Икс оставил как маяк.

– Сакс? – окликнул ее Райм.

– Да?

– Почему бы нам не заставить коммунальщиков открыть люк, чтобы ты вылезла оттуда? Тебе все равно нужно обыскать то место на улице. Мы знаем, что он спустился в туннель этим путем и был там около пяти минут назад. Может, найдутся какие-то следы.

Она понимала: Райм предлагает это, чтобы ей не пришлось снова лезть в маленький туннель. В круглый гроб...

⁸ ОБР – отряд быстрого реагирования.

Сакс посмотрела в черную пасть лаза. Теперь она казалась еще теснее.

– Это мысль, Райм. Но, пожалуй, я выйду тем же путем, что вошла. – Она одолела свой страх и теперь уже не позволит ему одержать верх.

Используя грубый выступ кирпичной стены для опоры, Сакс поднялась, чтобы дотянуться до фонарика Икс. Достала из кармана хирургические ножницы и перерезала клейкую ленту.

Снимая фонарик, она смахнула горсть серого порошка, который, как вдруг ей стало понятно, преступник подложил в качестве сюрприза для полицейских. Вот почему он оставил фонарик! Порошок посыпался ей прямо в глаза, и, отчаянно смахивая его, она сдвинула респиратор и вдохнула большое количество яда.

– Нет! – Она почувствовала удушье. Дыхательные пути забило едким порошком. Внезапно началось неистовое жжение. Амелия упала на землю и попятилась, едва не споткнувшись о тело Хлои.

– Сакс! Что там такое? Я ничего не вижу, – прозвучал голос Райма в наушнике.

Она силилась вдохнуть, очистить от яда легкие. Словно острые иглы впились ей в горло. Сорвав маску, она отплевывалась, сознавая, что загрязняет место преступления, но не могла остановиться.

Райм что-то кричал. Сакс не могла понять, что именно, но верила, что он, возможно, произносит в свой телефон: «Медиков туда вниз! Немедленно!» А потом: «Не мое дело». И еще: «Центр контроля за случаями отравления. Быстро!»

Но Амелия слышала только свое затрудненное, мучительное дыхание.

Глава 7

Возвращаясь в свою мастерскую на Канал-стрит, западнее Китайского квартала, Билли Хейвен снова думал об Очаровательной Девушке, воспоминания о лице, голосе, прикосновениях которой назойливо возникали во время Модификации этой маленькой Мисс Манерность, Хлои.

Билли думал о слове, которое вывел: *второй*. И об окаймлении. Да, хорошая работа. Стил Билли.

Он снял комбинезон, возможно, загрязненный ядом (зачем рисковать?), и сунул его в мешок для мусора. Потом бросил в мусорный бак далеко от бутика. Под комбинезоном у него была повседневная одежда: черные джинсы, кожаные перчатки, тоже черные. Темно-серое шерстяное пальто. Короткое – до середины бедер. Достаточно теплое и не настолько длинное, чтобы полы мешались, если придется убежать со всех ног, что, как прекрасно понимал Билли, в ближайшие несколько дней вполне возможно.

На голове у него была лыжная маска, загнутая вверх как вязаная шапочка. Выглядел он так же, как многие молодые люди в Манхэттене, идущие домой под ледяным дождем, сутулясь от холода.

Очаровательная Девушка... Билли вспомнил, как впервые увидел ее несколько лет назад. Собственно, это была фотография, даже не сама девушка. Но он влюбился – да-да, с первого взгляда. Вскоре после этого его тетя заметила: «О, да она очаровательная девушка. Ты мог бы найти гораздо хуже нее». Билли тут же стал использовать эти слова в качестве ласкового прозвища для возлюбленной – девушки с прекрасной кожей цвета слоновой кости.

Щурясь из-за дрянной погоды – ветер швырял ему в лицо ледяные капли дождя, – Билли плотнее запахнул пальто и сосредоточился на том, чтобы обходить замерзшие лужи. Это было непросто. Прошло уже несколько часов с тех пор, как он покончил с Хлоей в туннеле под бутиком. Все это время он оставался в том районе, держался в тени и наблюдал за полицией. Кто-то позвонил по номеру 911 минут через пять после того, как он вылез из люка на Элизабет-стрит. Полицейские приехали скопом, и Билли знакомился с их действиями. Запоминал, делал мысленные заметки, чтобы потом записать свои мысли. Заповеди Модификации, само собой, не были составлены по образцу библейских. Но одна из них могла бы иметь такое звучание: «Узнай врага своего, как самого себя».

Иди медленно, ступай осторожно. Он был молод, в хорошей форме, достаточно ловок, но не мог позволить себе падения. Сломанная рука стала бы катастрофой.

Мастерская Билли находилась недалеко от места нападения, но он возвращался домой кружным путем, убеждаясь, что никто из видевших его возле люка не пошел.

Он обошел квартал один раз, потом на всякий случай еще раз и вернулся к безобразному приземистому четырехэтажному бывшему складу, теперь почти жилому зданию. Точнее, почти легальному. Или, может, совершенно нелегальному. Как-никак, речь шла о нью-йоркской недвижимости. Билли платил деньги за кратковременную аренду жилья, большие деньги. Агент брал их с улыбкой и считал своим долгом не задавать вопросов. Но это было необязательно. Билли готов был рассказать убедительную историю, предъявить поддельные документы. *Выучи свою легенду наизусть.*

Потом, удостоверясь, что тротуар безлюден, Билли спустился по короткому лестничному маршу к своей парадной двери. Три замка три раза щелкнули, и он оказался внутри. Клаксоны раздраженных водителей, застрявших в Китайском квартале из-за отвратительной погоды, сменились на грохот и скрежет тормозов вагонов метро, проезжавших прямо под его приютом. Звуки подземелья. Успокаивающие.

Билли нажал кнопку выключателя, и слабый свет залил помещение площадью двадцать на двадцать пять футов – комбинацию гостиной, спальни, кухни и всего прочего. Комната даже напоминала подземную тюрьму. На одной стене красовался голый кирпич, три другие были кое-как оштукатурены. У Билли имелась и вторая квартира, значительно севернее – убежище, где он собирался жить чаще, чем здесь, при исполнении задач Модификации. Но мастерская оказалась уютнее убежища, находящегося на оживленной улице, населенной людьми, которых он презирал.

Верстак был заставлен стеклянными сосудами, книгами, шприцами, деталями тату-машинок, пластиковыми сумками и инструментами. Здесь находились десятки книг о ядах и тысячи скачанных из Интернета документов, полезных и не очень. «Практический справочник ядовитых растений» был роскошно иллюстрирован, но не содержал того количества полезных сведений, какое можно было найти в блоге, озаглавленном «Убивай их, или Десяток смертоносных рецептов к тому времени, когда придет революция и нам придется отвечать ударом на удар!!!».

Все было аккуратно расставлено, как и в его домашней тату-студии. Дальний угол комнаты был залит холодным ультрафиолетом, освещавшим восемь террариумов. Билли подошел к ним и осмотрел растения. Листья и цветы успокоили его – они так напоминали о доме. Розовые и белые, пурпурные и зеленые множества оттенков. Их яркость противостояла тусклой, темной атмосфере этого города, ненавистный дух которого ежеминутно задевал сердце Билли Хейвена. В чемоданах хранилось белье и туалетные принадлежности. В спортивной сумке лежали несколько тысяч долларов: разложенные по достоинству купюры были старыми, мятыми, и проследить за их историей представлялось невозможным.

Он полил растения и всего за несколько минут сделал набросок одного из них с интересной конфигурацией листьев и веточек. Билли, хотя и рисовал всю жизнь, иногда задавался вопросом, откуда у него берется такое желание. Иногда ему было просто необходимо взять карандаш или цветной мелок и преобразовать то, что увянет в жизни, в нечто неувядающее. В то, что сохранится навеки.

Он делал наброски Очаровательной Девушки тысячу раз.

Карандаш выпал из его пальцев, он оставил набросок ветви незавершенным и отбросил блокнот. Очаровательная Девушка... Он не мог думать о ней, не слыша при этом мрачного голоса, низкого баритона своего дяди: «Билли. Я должен сказать тебе кое-что». Дядя взял его за плечи и посмотрел ему в глаза: «Кое-что случилось». И из этих простых ужасающих слов он узнал, что она умерла. Родители Билли тоже умерли, но много лет назад, и он смирился с этой утратой. А с утратой Очаровательной Девушки? Нет, никогда. Она была бы вечной спутницей его жизни. Стала бы его женой, матерью его детей. Она спасла бы его от прошлого, от всего плохого, от Олеандровой комнаты. Но она умерла, и все тут.

Но сейчас Билли не думал так много об этой ужасной вести, не думал о несправедливости случившегося, хотя случившееся было несправедливо.

Он не думал о жестокости, хотя случившееся было жестоко. Нет, сейчас, едва закончив татуировать Хлою, Билли думал, что находится на пути к концу страданий. Модификация набирала ход. Сидя за шатким столом в кухонном углу подвальной комнаты, Билли вынул из кармана рубашки листы из книги, которую он нашел этим утром.

Он узнал о существовании этой книги несколько недель назад и понял, что она нужна для завершения его планов Модификации. Книга была распродана, хотя он нашел несколько экземпляров, которые мог бы купить через Интернет у букинистов. Билли не мог заказать ее по кредитной карточке с доставкой на дом, поэтому искал ее в магазинах подержанных книг и в библиотеках. Два экземпляра были в Нью-Йоркской публичной библиотеке, но их не оказалось там, где им полагалось бы находиться, – на стеллажах среднеманхэттенского отделения или отделения в Куинсе.

Сегодня он сделал еще одну попытку, снова зайдя в библиотеку на Пятой авеню. Книга была там – стояла на полке. Билли взял ее и бегло просмотрел, спрятавшись в укромном месте.

Скверное издание, заметил он. Нелепая кричащая обложка в черном, белом и красном цветах. Однако текст и иллюстрации помогли понять, почему она была распродана. Но что в ней содержалось? Именно то, что ему и было нужно, – инструкции, как заполнять плоскими или круглыми иглами пространство между контурами татуировки.

Билли боялся выносить книгу из библиотеки – взять ее по абонементу он, разумеется, не мог. И возле фотокопировальных устройств стояли видеокамеры. В конце концов он решил вырезать нужные листы лезвием бритвы. Резал он глубоко, старательно, потом спрятал книгу так, чтобы никто не мог ее найти. Он знал, что в корешке книги находится чип, и на выходе могла сработать сигнализация, если попытаться вынести ее целиком. И просмотрел все украденные листы один за другим – нет ли второго чипа. Второго не оказалось, и он вышел из библиотеки, не подняв тревоги.

Теперь Билли хотелось проштудировать эти страницы, которые помогут завершить план Модификации. Однако, разложив их перед собой, он нахмурился. Что это? Первый лист поврежден, уголок оторван. Но он был уверен, что вынимал их из корешка целыми, ничего не порвав. Потом посмотрел на нагрудный карман рубашки и увидел, что он тоже разорван. Вспомнил, что Хлоя разорвала его комбинезон, когда отбивалась. Вот что произошло. Она разорвала одежду и лист.

Однако повреждение было незначительным – оторвана лишь небольшая часть. Он стал внимательно читать. Прочитал раз, другой. На третий сделал заметки и вставил их в заповеди. Полезно. Отлично. Очень полезно. Отложив листы, Билли ответил на несколько текстовых сообщений – необходимо поддерживать контакт с окружающим миром.

Теперь настало время наводить чистоту. Никто не опасается микробов, бактерий, вирусов больше, чем татуировщик. Билли нисколько не боялся вызвать у своих жертв заражения крови – собственно, в этом и была суть Модификации, – но очень боялся попадания в *свою* кровь того, что вводил клиентам, особенно тех замечательных веществ, которые использовал вместо краски.

Он подошел к раковине и расстегнул рюкзак. Натянув толстые перчатки, разобрал тату-машинку «Америкэн игл». Вылил из трубок жидкость и промыл их в двух ведрах воды, несколько раз ополоснул и высушил феном. Воду вылил в отверстие, прорезанное в полу, и дал ей впитаться в землю под зданием. Спускать ее в канализацию он не хотел. Пусть незначительная, но улика.

Однако промывка была только началом. Он протер каждую деталь машинки спиртом (спирт только очищает, не стерилизует). Положил их в ультразвуковую ванну с обеззараживающими средствами. Потом запечатал их в пакеты и положил в автоклав – стерилизующую печь. Обычно иглы выбрасывают, но эти особенные, их было очень трудно достать. Их он стерилизовал тоже.

Разумеется, Билли обеззараживал детали не только для того, чтобы защититься от ядов и инфекций. Существовала и другая причина: самый надежный способ уничтожить всякую связь между ним и жертвами – это сжечь ее при температуре 130 градусов Цельсия.

Месье Локар, вы не думаете, что так можно уничтожить даже вашу теорию «пыли»?

Глава 8

Линкольн Райм ждал с нетерпением. Наконец он спросил Тома:

– Как Амелия?

Помощник положил трубку городского телефона.

– Никак не могу дозвониться.

– Как это не можешь? В какой она больнице?

– В «Манхэттен дженерэл».

– Позвони туда еще раз.

– Только что звонил. Не могу пробиться к коммутатору. Там какая-то проблема.

– Не может быть. Это больница. Звони девять-один-один.

– Нельзя звонить в службу спасения, чтобы справиться о состоянии пациента.

– Я позвоню.

Но тут раздался звонок у парадной двери. Райм приказал Тому ответить и через минуту услышал шаги в переднем коридоре.

Двое полицейских, помогавших Сакс в бутике «Шез Норд», вошли в гостиную, держа в руках большие ящики, заполненные бумажными и пластиковыми пакетами для улик. Райм узнал женщину, детектива Джин Иглстон, она приветственно кивнула ему, он тоже ответил кивком. Другой полицейский, рослый, крепко сложенный блюститель порядка, произнес:

– Капитан Райм, работать с вами большая честь.

– Капитан в отставке, – пробормотал Райм. Он заметил, что погода, видимо, ухудшилась – куртки полицейских были в ледяной крупе и снегу. Обратил внимание, что они обернули ящики с уликами целлофаном. Молодцы.

– Как Амелия? – спросила Иглстон.

– Пока не знаем, – буркнул Райм.

– Мы сделаем все, что сможем, – сказал ее дюжий партнер, – только позвоните. Куда их? – Подбородком он указал на ящики.

– Отдайте Мелу. – Райм имел в виду последнего члена команды, который только что появился.

Худощавый, скромный детектив полицейского управления Нью-Йорка Мел Купер был известным экспертом. Райм давил на все руководство, и мэра в том числе, чтобы Купера направляли к нему, особенно для такого дела, как это, где яд представлялся специально выбранным орудием убийства. Купер, обладатель дипломов по математике, физике и органической химии, был незаменим для этого расследования.

Эксперт кивнул, приветствуя Иглстон и ее партнера, принимавшего, как и он, участие в большой операции на месте преступления в Куинсе. Несмотря на отвратительную погоду и холод в гостиной, Купер был одет в белую рубашку с короткими рукавами и неглаженные черные брюки, придающие ему вид старейшины мормонов или школьного учителя. На ногах – туфли «хаш паппис». Люди обычно не удивлялись, узнав, что он живет вместе с матерью; удивление наступало, когда они знакомились с его рослой красивой любовницей-шведкой, профессором Колумбийского университета. Они были чемпионами по бальным танцам.

Купер в лабораторном халате, латексных перчатках, защитных очках и маске указал на пустой стол для осмотра улик. Его коллеги поставили на него ящики, кивнули на прощание и снова вышли в метель.

– Ты тоже, новичок. Давай посмотрим, что у нас есть.

Рон Пуласки надел такую же защитную одежду, как у Купера, и подошел к столу, чтобы помочь.

– Осторожнее, – сказал Райм, но в его предостережении не было необходимости: Пуласки делал это около ста раз и был как никто осторожен с уликами.

Но криминалист продолжал беспокоиться, его мысли снова обратились к Амелии Сакс. Почему она не звонит? Он вспомнил, как порошок сыпался на линзы видеокамеры и одновременно ей в лицо. Вспомнил, как она задыхалась.

Повернулся ключ в двери, послышался шум ветра, и кто-то кашлянул, прочищая горло.

– Ну что? – окликнул Райм.

Амелия Сакс появилась из-за угла, на ходу снимая куртку. Пауза. Она снова откашлялась.

– Ну что? – повторил он. – У тебя все в порядке?

Ответом было бульканье воды из бутылки, которую протянул ей Том.

– Спасибо, – поблагодарила Сакс молодого человека, потом повернулась к Райму. – Да. – Ее низкий, волнующий голос стал еще более низким и волнующим, чем обычно. – Более-менее.

Райм знал, что она не была отравлена. Когда ее везли в медицинский Центр «Манхэттен дженерэл», он говорил с фельдшером «Скорой помощи», специалистом по ядам. Симптомы не типичны для отравления, сказал фельдшер, и когда машина подъехала к пункту первой помощи, единственным, что ее беспокоило, был мучительный кашель и слезящиеся глаза, которые несколько раз промыли водой. Ловушка, устроенная Иксом, оказалась несмертельной, однако могла вызвать слепоту или причинить серьезный вред легким.

– Сакс, что там было?

Амелия объяснила, что мазки со слизистых оболочек и экспресс-анализ крови выявили, что «ядом» была пыль, состоящая главным образом из окиси железа.

– Из ржавчины?

– Они так сказали.

Потянув клейкую ленту со старой металлической арматуры, к которой Икс прикрепил фонарик, она сбросила горсточку этой пыли, которая посыпалась ей в лицо.

Как криминалист, Райм был знаком с Fe_2O_3 – соединением, более известным как «три-окись железа». Ржавчина оставляет превосходные следы, у нее есть адгезивные свойства, она легко переходит от преступника к жертве, и наоборот. Она может быть ядовитой, но только в больших количествах. То, что ржавчина оказалась там, не казалось Райму делом рук преступника. Он велел Пуласки позвонить в департамент городских работ, выяснить, обычна ли пыль окиси железа в туннелях.

– Да, – сказал молодой полицейский, положив трубку. – По Манхэттену прокладывали новые водопроводные трубы. Арматуре, которую они срезали, сто пятьдесят лет. Из-за этого было много пыли. Приходилось даже работать в масках.

Значит, Икс случайно выбрал одну из этих арматур для того, чтобы подвесить фонарик.

Сакс снова закашлялась, сделала еще несколько глотков воды.

– Злюсь на себя из-за того, что забыла об осторожности.

– Сакс, а мы ждали звонка.

– Я пыталась позвонить. Линия была не в порядке. Один из фельдшеров сказал, что возникла какая-то проблема с Интернетом, которая повлияла и на телефонные коммутаторы. Это продолжается уже два дня. Какой-то спор между компаниями проводных кабелей и новых, оптоволоконных. Война из-за сфер влияния. Даже говорят о диверсиях.

Взгляд Райма словно говорил: «Нам-то что?»

Еще немного покашляв, Сакс надела халат и подошла к пакетам с уликами.

– Давай займемся нашими таблицами.

Райм указал подбородком на белые классные доски, стоявшие, словно цапли, на длинных тонких ногах. Ими пользовались для записи улик по тому или иному делу. Заполнена

была только одна – по делу о грабеже возле муниципалитета, обернувшемся убийством. Убийством человека, тщательно побрившегося для свидания перед тем, как выйти на улицу, где его ограбили и убили.

Сакс отодвинула эту доску в угол и поставила в центр чистую. Взяла стираемый маркер и спросила:

– Как мы его назовем?

– Сегодня пятое ноября. Давай не изменять нашей традиции. Икс Пять-Одиннадцать.

Сакс кашлянула, кивнула и написала своим четким почерком:

Элизабет-стрит, 237

- Жертва: Хлоя Мур

Райм посмотрел на белое пространство.

– Ну что ж, давай его заполнять.

Глава 9

Однако не успели они взяться за улики, как снова раздался звонок в дверь.

Послышался привычный уже вой ветра и дробный стук падающих льдинок, дверь закрылась, и в гостиную, топая ногами и обходя ковер, вошел Лон Селлитто.

– Погода еще больше портится. Черт! Ну и дела.

Райм не обратил внимания на его прогноз.

– Есть пленки систем безопасности?

Имелись в виду камеры видеонаблюдения на Элизабет-стрит, возле люка, через который преступник проник в туннель. И где, очевидно, наблюдал за Сакс.

– Нет.

Райм недовольно скривился.

– Но там был свидетель.

Снова кислый взгляд Райма.

– Линк, я понимаю твоё раздражение. Но это все, что у нас есть. Человек, шедший домой после смены, видел кого-то возле этого люка минут за десять до звонка по номеру девять-один-один.

– Домой после смены, – проворчал Райм. – Значит, голова у него была чугунной от усталости.

– Да, но даже чертовски уставший свидетель, который видит преступника, лучше свежего, который не видит никого.

– Раз не видит, значит, не свидетель, – ответил Райм и, взглянув на стол для улик, спросил: – Люк был открыт?

– Да. Вокруг него были оранжевые конусы и сигнальная лента.

– Я так и думал, – проговорил Райм. – Значит, он поднимает крышку крюком, устанавливает конусы, спускается, убивает жертву и уходит. – Он повернулся к Сакс. – Ты сказала, у подножия лестницы было сыро. Значит, люк все время оставался открытым. Что с конусами и лентой?

– Когда я вышла, – ответила Сакс, – их там не было.

– Он не собирался оставлять их поблизости. Достаточно умен для этого. Лон, что твой свидетель говорит о преступнике?

– Белый мужчина в вязаной шапочке и темном пальто до середины бедер с черным или темным рюкзаком. Лица он не разглядел. Почти так же выглядел человек, который находился возле люка, когда Амелия внизу осматривала место преступления.

Тот, кто смотрел на Сакс. Кто побежал на Бродвей и скрылся в толпе.

– Как с уликами на улице?

– В такую погоду? – произнесла Сакс.

Скверная погода – классический загрязнитель следов, один из самых пагубных. А на месте возле люка существовала еще одна проблема: следы ног и принадлежностей работников «Скорой помощи» уничтожили все оставшиеся улики, когда они бежали, чтобы уложить Сакс в машину после предполагаемого отравления в западне, которой не было.

– Так, значит, оставляем это место без внимания и сосредотачиваемся на подземелье. Прежде всего, на подвале бутика.

Джин Иглстон и ее партнер обыскали и сфотографировали подвал и маленькую подсобку, но обнаружили очень мало следов. Мел Купер осмотрел следы, которые они собрали, и сообщил:

– Совпадают с образцами из подвала. Здесь нет ничего полезного.

– Ладно. Главный вопрос: что дал анализ яда? Причина смерти?

Они начали с предположения, что причиной смерти был яд, но это оставалось под вопросом, пока медицинский эксперт не завершит анализ. Сакс позвонила и горячо попросила главного эксперта немедленно прислать предварительный результат. Им требовался и яд, и успокоительное, которое, вероятно, преступник ввел Хлое, чтобы подавить ее сопротивление. Сакс подкрепила просьбу о срочности словами о том, что, по их мнению, это убийство может стать началом вакханалии серийных убийств. Эксперт, сообщила она, говорил устало, как все врачи, особенно городской службы, но обещал перенести дело Хлои Мур в начало очереди.

Райм спросил:

– Сакс, ты протерла тампоном место татуировки?

– Конечно.

– Мел, займись этим, посмотрим, не обгоним ли мы медэксперта.

– Сейчас.

Для этого анализа Купер воспользовался газовым хроматографом и масс-спектрометром – двумя большими, соединенными между собой аппаратами в углу гостиной. Газовый хроматограф анализирует неизвестное вещество, разлагая все содержащиеся в нем химикаты на основании их летучести – то есть времени испарения. Газовый хроматограф разделяет составные части; второе устройство, масс-спектрометр, выявляет вещества, сличая их уникальную структуру с базой данных известных химикатов.

Работая на этой шумной, горячей машине – образцы, в сущности, сгорали, – Купер вскоре получил результаты.

– Цикута.

В полицейском управлении Нью-Йорка есть обширная база данных по ядам, которой Райм иногда пользовался, будучи главой отдела следственных ресурсов – это старое название отдела криминалистики, – хотя убийства путем отравления и тогда были несчастными, а теперь стали еще более редкими. Купер просмотрел статью об этом веществе. Потом пере-сказал:

– Этот яд получается из растения болиголов пятнистый. Поражает центральную нервную систему. У жертвы была сильная рвота, видна пена. Мышцы подергивались. – Он поднял глаза. – Это одно из самых смертоносных растений в Северной Америке. – Купер указал подбородком на машину. – И яд был очищен. Нигде не зарегистрировано такой концентрации. Обычно после введения этого яда умирают очень долго. А при таком уровне? Наверно, жертва умирала полчаса, может быть, немного дольше.

– Этим ядом отравился какой-то знаменитый грек, да? – спросил Пуласки.

– Не совсем этим, – ответил Купер. – Другой разновидностью болиголова. Однако обе из семейства зонтичных.

– Какое нам дело до Сократа? – раздраженно произнес Райм. – Давайте сосредоточимся на своем. Кто-нибудь, кроме меня, заметил что-нибудь тревожащее относительно источника яда?

– Его можно найти в любом поле или на болоте по всей стране, – ответила Сакс.

– Совершенно верно.

Ядовитые вещества промышленного производства, находящиеся в открытой продаже, можно проследить до изготовителя и далее до покупателя. У некоторых есть даже этикетки, которые могут привести следователя к рецепту с написанной на нем фамилией преступника. Но если убийца выкопал свое орудие из земли, такой возможности нет.

Невозможно сузить поиски хотя бы до региона страны. А поскольку сейчас ноябрь, можно предположить, что выкопал он это растение давно. Или даже вырастил в теплице у себя в подвале. Не менее тревожным был тот факт, что он каким-то образом создал из этого растения какую-то особенно смертоносную форму яда.

Рон Пуласки случайно оказался у белой доски, и Райм сказал ему:

– Новичок, добавь это к перечню улик своим четким почерком, которым чрезвычайно гордились бы монахини ордена Скептического Сердца.

Настроение Райма заметно улучшилось, так как появились вызовы, на которые нужно было ответить, тайны, которые нужно разгадать... и улики, с которыми можно работать.

Сакс продолжала:

– Дактилоскопических узоров не было.

Райм и не ожидал получить отпечатки пальцев. Нет, преступник для этого достаточно умен.

– Что до волосков, я нашла только несколько крысиных и несколько принадлежавших Хлое, так что, думаю, под вязаной шапочкой у него что-то было.

Облегающие головные уборы больше способствуют потере волос, чем их сохранности, особенно шерстяные или нейлоновые, так как тот, кто их носит, будет постоянно чесывать или потирать зудящие места. Райм догадывался, что преступник знал это и принял другие, более надежные меры предосторожности, чтобы не оставлять на месте убийства свои волосы и образцы ДНК.

– Предварительный осмотр на предмет изнасилования, – продолжала Амелия, – дал отрицательный результат – хотя медэксперт может что-то обнаружить. Однако гениталии и другие эрогенные зоны как будто нетронуты. Если не считать живота. – Сакс указала подбородком на фотографии. – Жертва была полностью прикрыта одеждой. Но когда я осветила ее лампой АИС, то обнаружила нечто интересное: десятки мест, где преступник касался ее кожи, гладил ее. Не только для того, чтобы натянуть кожу для татуировки. И у нее была маленькая татуировка на шее. Цветок. – Сакс показала фотографию на мониторе высокой четкости. – Было видно, что он гладил ее несколько раз.

– Но это не сексуальные прикосновения? – пробормотал Селлитто.

– Не традиционно сексуальные, – подчеркнула Амелия. – Возможно, он фетишист или извращенец. У меня создалось впечатление, что он был очарован ее кожей. Хотел ее касаться. Или не мог совладать с собой.

– Не мог совладать с собой? – переспросил Райм. – Сакс, это мне кажется сомнительным. Маловероятным. Принято к сведению, но давай двигаться дальше.

Они начали с анализа веществ, которые Сакс нашла у тела Хлои, и сравнения их с контрольными образцами из туннеля, стараясь отделить те, что не имели отношения к Иксу.

Купер не прекращал работы на газовом хроматографе и масс-спектрометре.

– Так, в общем, мы имеем окись азота, озон, железо, марганец, никель, серебро, бериллий, хлорированный углеводород, ацетилен.

Райм кивнул.

– Они находились возле тела?

– Да.

Сакс осмотрела свою подробную карту, где было отмечено точное местонахождение каждого образца.

– Хм, – буркнул Райм.

– Линк, что такое? – спросил Селлитто.

– Эти материалы используются при сварке. Может, они появились от нашего Икса, но, думаю, скорее от рабочих, которые прокладывали трубы. Но все равно нанесем это на карту.

Купер выбрал другой образец – с пола у лестницы, ведущей к люку. Покончив с его анализом, эксперт нахмурился.

– Да, возможно, здесь кое-что есть.

Райм вздохнул. «Так поделись этим с нами, и спасибо тебе», – говорила его усталая улыбка. Но Купер не позволял себя торопить. Он тщательно читал показания масс-спектрометра.

– Это тетродотоксин.

Райм был заинтригован.

– Да, здесь в самом деле кое-что есть. Еще одно возможное орудие убийства.

– Яд, Линк? – поинтересовался Селлитто.

– Яд, – заговорил Мел Купер. – Сильный. Из яичника собаки-рыбы, фугу. Это нейротоксин, известного противоядия нет. В Японии за год умирает около шестидесяти человек, евших эту рыбу. В малых дозах можно получить кайф... и выжить, чтобы оплатить чек. Говорят, тетродотоксин представляет собой снадобье для зомбирования.

– Что-что? – с отрывистым смешком спросил Селлитто.

– Действительно, – добавил Купер, – прямо как в кино. На Карибских островах люди принимают его для замедления биения сердца и дыхания до такой степени, чтобы казаться мертвыми. Потом возвращаются к жизни. То ли это религиозный ритуал, то ли мошенничество. Антропологи считают, что, возможно, это и стало источником мифа о зомби.

– Просто-напросто развлечение в скучные субботние вечера на Гаити, – пробормотал Райм. – Можем мы на этом сосредоточиться?

Купер поправил очки.

– Количество тетродотоксина ничтожно.

– Если медэксперт не найдет его в крови Хлои, это будет означать, что Икс, возможно, готовил этот яд для будущего нападения. – Райм скорчил гримасу. – И где, черт возьми, он его взял? Может, поймал собаку-рыбу – так же, как вырастил болиголов? Продолжай, Мел.

Купер читал надписи на карте Сакс.

– Здесь часть следа ноги – наверно, один из его следов, раз он возле лестницы. И неясный.

Бахилы...

– Совершенно верно, – подтвердила Сакс.

Купер показал ей масс-спектрометр, она кивнула, потом переписала результаты анализа на белую доску.

● Стеркобилин, моча 9,3 г/л, хлорид 1,87 г/л, натрий 1,17 г/л, калий 0,75 г/л, креатинин 0,67 г/л.

– Дерьмо, – пробормотал Райм.

– Что случилось? – спросил Пуласки.

– Ничего, – ответил Райм. – В буквальном смысле. Фекальный материал. Почему он? Почему там? Есть какие-то соображения, девочки и мальчики?

– Там наверху были трубы ДС – департамента санитарии, – но я не видела никаких нечистот ни на земле, ни на стенах. Наверно, не оттуда.

– Из парка, где прогуливают собак? – предположил Селлитто. – Или у него есть собака.

– Оставьте, – произнес Райм, воздерживаясь от закатывания глаз. – Эти вещества предполагают человеческое дерьмо. Можно выделить ДНК, но это будет пустой тратой времени. Извините за выбор слов.

– Может, Икс посетил туалет перед тем, как спуститься под землю?

– Возможно, новичок, но, думаю, дерьмо у него из канализационной системы где-то в другом месте. Полагаю, это значит, что он проводит много времени в подземельях Нью-Йорка. Это его зона убийств. Он уютно там себя чувствует. И если на месте убийства Хлои Мур не было никакой утечки из канализации, значит, у него есть еще несколько мест. И это говорит о том, что он выбирает свои жертвы заблаговременно.

Зазвонил городской телефон. Сакс ответила и после недолгого разговора положила трубку.

– Медэксперт. Да, причиной смерти было отравление цикутой – не тетродотоксин. Ты был прав, Мел: концентрация в восемь раз выше, чем в соке растения. А обездвижил он ее пропофолом. Двумя уколами, в шею и руку.

– Лекарство, отпускаемое по рецепту, – заметил Райм. – Его на заднем дворе не вырастишь. Как он получил к нему доступ? Ладно, занеси это в карточку и пойдем дальше. По-настоящему меня интересует сама татуировка.

Второй

Райм смотрел на фотографию, которую сделала Сакс: татуировка была без краски, но ее легко видно по красной воспаленной коже. Гораздо более четкое изображение, чем то, что он видел через видеокамеру на тускло освещенном месте преступления.

– Ну и ну, – произнес Пуласки, – красота.

– Я не знаком с миром тату, – заметил Райм, – но, думаю, существует мало художников, способных сделать это за короткое время.

– Я загляну в самые большие студии в городе, – вызвался Селлитто. – Посмотрю, что удастся узнать.

– Эти линии, – задумчиво произнес Райм, указав на окаймление, фестоны под словом и над ним. – Ты была права, Сакс. Они вырезаны, а не выколоты. Как будто он пользовался бритвой или скальпелем.

– Кромсал просто для красоты, – пробормотал Селлитто. – Ну и мерзавец.

– Не знаю, как это объяснить. Может, хотел блеснуть мастерством. Теперь слово: «второй». Что оно означает? Соображения?

– Второй труп? – предположил Пуласки.

Селлитто рассмеялся.

– Этот тип, в сущности, не скрывает своих следов. Мы бы узнали, если бы был труп номер один, не считаешь? Держу пари, Си-эн-эн сообщила бы о нем.

– Да, конечно. Я не подумал.

Райм рассматривал фотографию.

– Пока делать выводы рано. А что в остальной части сообщения? Думаю, что тот, кто так хорошо владеет каллиграфией, знаком с правописанием и грамматикой. Первая буква строчная. Значит, этому слову предшествовало другое. Точки нет, значит, существует продолжение.

– Интересно, это выражение, которое он придумал сам? – проговорила Сакс. – Или цитата? Загадка?

– Трудно сказать... Лон, поручи кому-нибудь в управлении порыться в базе данных.

– Прекрасная мысль, рациональная: поисковая группа ищет слово «второй» в книге или где-то еще. Линк, думаешь, оно уже где-то появлялось?

– Во-первых, Лон, разве ироничные «воздушные кавычки» не устарели? Ближе к делу. Пусть ищут слово в известных цитатах о преступлениях, убийцах, татуировках, преступном мире Нью-Йорка. Пусть работают творчески!

– Ладно, – пробормотал Селлитто. – «Второй». А что касается цифр – с наращением на конце.

– Угу, – согласился Линкольн. Он об этом не подумал.

Лон прошел в угол комнаты, набрал номер и через несколько секунд стал громко отдавать приказы. Потом положил трубку и вернулся.

– Двигаемся дальше, – сказал Райм остальным.

Через некоторое время Мел Купер заметил:

– Нам несколько раз попадался хлорид бензалкония.

– Ага, – кивнул Райм. – Это четвертичные аммониевые соединения. Основное дезинфицирующее средство, его используют главным образом там, где существует особая опасность заражения. Например, в школьных столовых, на транспорте.

Купер продолжал:

– Латексный клей.

Райм объявил, что этот продукт используется повсюду, от наложения повязок до строительства.

– Обычный?

– Да.

– Разумеется, – проворчал Райм. Криминалисты предпочитали фирменные марки – найти их источник гораздо легче.

Эксперт продолжал анализ. Через несколько минут он взглянул на компьютерный экран.

– Недурно, недурно. Хорошие результаты для типа камня. Мрамор. Конкретно инвудский.

– В какой форме? – спросил Райм. – Выведи на экран.

Купер выполнил его просьбу, и Райм увидел пыль и различной величины крошки белого, грязно-белого и бежевого цветов.

– Разбитый, – заметил эксперт. – Видишь края того кусочка в верхнем левом углу?

– Конечно, – сказал Райм. – Прожарь его!

Купер пропустил этот образец через аппараты и объявил:

– Есть остаток товекса.

– Товекс? – удивился Селлитто. – Это же коммерческая взрывчатка.

Райм кивнул.

– У меня было предчувствие, что мы найдем нечто подобное. Применяется для создания котлованов в скальном грунте. Наш Икс взял вместе с мраморной крошкой следы товекса на стройплощадке или возле нее. Там, где много инвудского мрамора. Новичок, позвони в департамент строительства относительно разрешения на взрывные работы. А потом сверься с геологической базой данных в том районе. Что еще?

– В соскобах из-под ногтей Хлои Мур кожи нет, только грязно-белая хлопковая ткань и бумажные волокна.

Райм объяснил Селлитто:

– Хлоя, должно быть, боролась с ним, и это попало ей под ногти. Жаль, что не содрала лоскут его кожи. Где ДНК, когда она нужна? На доске, пусть там и будет.

Клейкая лента, которой Икс связал ноги Хлои, была обычной; наручники тоже. А фонарик – маяк, указывающий на его работу, – был дешевым, пластиковым. Ни на его поверхности, ни на батарейках внутри не нашлось ни отпечатков пальцев, ни волос или других следов, кроме клея, такого же, что и на липких ролик-щетках – тех самых, которыми пользуются

на месте преступления для сбора следов. Как полагала Сакс, Икс, видимо, пользовался ею перед тем, как уйти.

– Этот парень даже умнее, чем я думал, – протянул Райм с невольным восхищением. – Сакс, там были электрические розетки? Я не помню.

– Нет. Прожектора, оставленные спасателями, были с аккумуляторным питанием.

– Значит, его тату-пистолет тоже с аккумуляторным питанием. Новичок, когда закончишь с департаментом строительства, выясни, кто производит тату-пистолеты, работающие на аккумуляторах.

Пуласки снова принялся за работу, сказав:

– С одной надеждой, что их окажется немного.

– О, вот это будет интересно.

– Что?

– Найти тату-пистолеты с надеждой.

– С чем-чем?

Селлитто кисло улыбнулся. Он знал, что за этим последует.

– Райм имел в виду, что ты неточно выразился, – решил пояснить Лон. – Надо было сказать: «Надеюсь, что портативные тату-пистолеты редки». Журналисты и учителя английского были бы тобой недовольны.

Молодой полицейский закивал.

– Линкольн, иногда, когда я с тобой разговариваю, мне кажется, что я оказался в одном из фильмов Квентина Тарантино.

Райм приподнял брови.

– Объясни.

Пуласки ворчливо продолжил:

– Ну, та сцена, где двое наемных убийц собираются застрелить кого-то, но целых десять минут болтают, болтают, болтают о том, что «желать» и «стремиться» не одно и то же, или «незаинтересованный» не значит «равнодушный». Прямо так и хочется их побить.

Сакс издала смешок.

– Эти два неправильных словоупотребления меня тоже беспокоят, – пробормотал Райм. – И разницу нужно знать. Так, теперь последняя улика, которая интересует меня больше всего. – Он снова повернулся к сумке, решив, что нужно выяснить, кто такой этот Тарантино.

Глава 10

Мел Купер осторожно открыл последний контейнер с уликой, вынул из него пинцетом смятый комок бумаги и стал медленно его разворачивать.

– Амелия, где он был? – спросил лаборант.

– Футы в трех от тела. Возле одного из желтых ящиков.

– Я их видел, – заметил Райм. – Эм-о-эс. Видимо, телефон, электросеть.

Бумага представляла собой оторванный верхний угол листа с печатным текстом. Дюйма три в длину, два в высоту. На передней правой стороне был текст:

да

его величайшим даром была способность предвидеть

На обратной стороне три слова:

тело было обнаружено.

Райм взглянул на Купера, тот смотрел в микроскоп Бауша-Лома, сравнивая волокна бумаги с обрывком с теми, что были обнаружены под ногтями жертвы.

– Их можно объединить. Видимо, из одного и того же источника. И других образцов тканевых волокон под ногтями жертвы нет.

– Значит, исходим из того, что она оторвала этот клочок во время борьбы с ним.

– Почему этот лист был при нем? – поинтересовался Селлитто. – Откуда он?

Райм обратил внимание, что бумага не глянцевая, поэтому обрывок был не из журнала, И не газетная, так что вырвали его не из ежедневной, еженедельной или бульварной малоформатной газеты.

– По-моему, этот обрывок книжной страницы, – сказал он, глядя на треугольный клочок бумаги.

– Но как это возможно? – спросил Пуласки.

– Хороший вопрос. Ты имеешь в виду – если этот обрывок из кармана нашего Икса и Хлоя оторвала его во время схватки с ним, как этот лист может быть из книги?

– Именно.

– Я думаю, он вырезал бритвенным лезвием важные листы из книги и держал их при себе. Нужно узнать, что это за книга.

– Легким способом? – предложил Купер.

– О, «Гугл букс»? Или как там называется эта компьютерная служба, у которой в базе данных девяносто или около того процентов вышедших на земном шаре книг? Конечно, попробуй.

Но, как и следовало ожидать, этот поиск не принес результатов. Райм плохо представлял себе, как работают положения об авторском праве, но подозревал, что немало авторов, не желающих бесплатно делиться с кем-то своим творчеством, находятся под защитой американского закона.

– Значит, используем трудный способ, – объявил Райм. – Как это называется у хакеров? Грубая атака? – Он задумался, потом добавил: – Но мы можем сузить сферу поисков. Давайте посмотрим, можно ли выяснить, когда опубликована книга, и поискать вышедшие в то время издания о преступлениях. Тут ключевое слово – «тело». Итак, давайте устанавливать дату.

– Радиоуглеродным методом? – спросил Пуласки и увидел, что Мел Купер улыбнулся. – В чем дело?

- Не читал моей главы о радиоуглероде, новичок?
- Имелся в виду учебник Райма по криминалистике.
- Читал, Линкольн.
- И что?

Пуласки стал цитировать: «Углеродное датирование представляет собой сравнение стабильного изотопа Цэ-двенадцать с радиоактивным изотопом Цэ-четырнадцать, это даст представление о возрасте изучаемого предмета с «приблизительной точностью».

- Процитировано верно. Только жаль, что ты не обратил внимания на сноску.
- О, там были сноски?

– Предел погрешности для углеродного датирования составляет от тридцати до сорока лет. И это для недавних образцов. Если бы наш преступник носил с собой главу, отпечатанную на папирусе или на шкуре динозавра, отклонение было бы гораздо больше. – Райм указал на обрывок. – Так что нет, углеродное датирование не для нас.

- По крайней мере, мы узнаем, издана ли эта книга в последние тридцать или сорок лет.

– Это мы знаем, – отрывисто произнес Райм. – Издана в девяностые годы, я почти уверен. Мне нужна бульшая точность.

Теперь нахмурился Селлитто.

- Линк, откуда ты знаешь про десятилетие?

– По гарнитуре шрифта. Он называется «мириад». Создан Робертом Слимбахом и Кэрол Тумбли для «Эдоуби систем». Стал шрифтом «Эппл».

- По-моему, он похож на все другие шрифты без засечек, – заметила Сакс.

- Посмотри на строчную «у» и наклонную «е».

– Ты изучала шрифты? – с удивлением осведомился Пуласки. И почувствовал, что этот огромный пробел в криминалистическом образовании грозил поглотить его целиком.

Несколько лет назад Райм вел дело о похищении, и преступник составил требование о выкупе, вырезая буквы из журнала – из заголовков и рекламы. Сравнивая шрифты множества журналов и рекламных слоганов, Линкольн пришел к выводу, что буквы вырезаны из конкретного номера «Атлантик мансли». Список подписчиков – и другие улики – привели к аресту преступника и освобождению жертвы. Он рассказал об этом случае Пуласки.

- Но как установить дату точнее? – осведомился Селлитто.

- По типографской краске, – ответил Райм.

- По тэгам? – уточнил Купер.

- Сомневаюсь.

В шестидесятые годы производители красок, как и производители взрывчатки, стали применять тэги – химические маркеры, чтобы в случае преступления образцы краски было легко проследить до единственного источника или, по крайней мере, до фирменной марки краски. (Изначальной задачей тэгов было отслеживать фальсификаторов, однако благодаря маркерам удалось поймать нескольких похитителей и убийц-психопатов, которые оставляли сообщения на местах своих преступлений.) Но краска для печатания книг, как в этом образце, продавалась большими партиями, почти не снабжавшимися тэгами.

Поэтому, объяснил Райм, нужно сравнить состав этой краски с образцами базы данных в управлении полиции.

- Мел, извлеки эту краску. Посмотрим, из чего она состоит.

Купер взял с инструментальной полки над столом шприц с частично спиленной иглой и семь раз проколол ею бумагу. Получившиеся крохотные диски с образцами краски окунул в пиридин, чтобы извлечь краску. Высушил раствор до порошка, который и стал анализировать.

Купер с Раймом осмотрели получившуюся хроматограмму – столбцовую диаграмму выступов и впадин, представлявших краску, использованную для печатания этой загадочной книги.

Сам по себе анализ мало что дал, но сравнение результата с базой данных выявило, что краска соответствует той, что использовалась для печатания неспециализированных книг для взрослых с 1996 по 2000 год.

– Для взрослых? – спросил Пуласки.

– Нет, не *твоего* рода взрослых книг, – усмехнулся Селлитто.

– Моего... – Молодой полицейский густо покраснел. – Подожди, ты о чем?

– Имеется в виду – не детских, – пояснил Райм. – *Пристойных* книг для взрослых. А бумага? Проверь кислотность.

Купер провел обычный рН-анализ, используя крошечный уголок бумаги.

– Кислотность очень высокая.

– Значит, бумага от массовых изданий в твердом переплете, – заключил Линкольн. – Не в бумажной обложке, потому что их печатают на газетной бумаге. И это издание массовое, так как более дорогие книги с ограниченным тиражом печатаются на низкокислотной или бескислотной бумаге. Лон, добавь-ка к перечню заданий твоей поисковой группы поручение найти эту книгу. Я склоняюсь к документальной литературе в названные годы. Возможно, о реальных преступлениях. И каждая глава посвящена особой теме, так как преступник вырезал только то, что ему нужно. Поручи своим людям поговорить с издателями, книготорговцами, коллекционерами книг о преступлениях... и с авторами таких книг. Много их может быть?

– Да, они поговорят в свободное время, когда не будут заняты поисками миллионов цитат со словом «второй».

– Да, кстати, займись этим в первую очередь. Если наш Икс искал эту книгу, вырезал листы и носил их с собой, я очень хочу знать, что в ней.

Селлитто еще раз посмотрел на фотографию татуировки и сказал Куперу:

– Сделай для меня такой отпечаток, ладно, Мел? Я начну обходить эти студии – они до сих пор так называются? Может быть, они теперь «салоны»? И дай мне список самых больших из них.

Райм смотрел, как Купер отпечатал фотоснимок, потом связался по компьютеру с лицензионным агентством Нью-Йорка, получил список, где было около тридцати тату-заведений, и протянул его детективу.

– Так много? – проворчал Селлитто. – Замечательно. Я просто никак не могу нагуляться в эти прекрасные осенние дни. – Он положил список и фотографию в портфель, потом надел пальто и достал из кармана скомканные перчатки. Не прощаясь, вышел из комнаты.

Райм снова услышал шум ветра, когда дверь открылась и захлопнулась.

– Новичок, как продвигаются дела у тебя?

Молодой полицейский повернулся к ближайшему компьютеру.

– Все еще идет перечисление разрешений на взрывные работы. В городе сейчас много взрывают.

– Продолжай.

– Конечно. Скоро получу какие-то ответы. – Пуласки поднял взгляд на Райма. – Надеюсь.

– Надеешься? – нахмурился Райм.

– Да. Наполняюсь надеждой, Линкольн, что больше не буду выслушивать от тебя лекции по грамматике.

Элизабет-стрит, 237

- Жертва: Хлоя Мур, 26 лет.
- Видимо, никакой связи с Икс
- Изнасилования не было, но были касания кожи
- Икс 5–11
- *Белый мужчина*
- *Хрупкого или среднего сложения*
- *Вязаная шапочка*
- *Темное пальто до бедер*
- *Темный рюкзак*
- *Надевает бахилы*
- *Отпечатков пальцев нет*
- Причина смерти: отравление цикутой, введенной в организм через татуировку
- *Из пятнистого болиголова*
- *Источник неизвестен*
- *Концентрация в восемь раз превышает обычную*
- Обездвижена пропофолом
- *Как раздобыт? Доступ к медицинским принадлежностям?*
- Вытатуировано слово «второй», древнеанглийский шрифт, окруженный фестонами
- *Часть сообщения?*
- *Поисковая группа полицейского управления проверяет*
- Портативный тату-пистолет использован как оружие
- *Модель неизвестна*
- Хлопковые волокна
- *Грязно-белые*
- *Возможно, из рубашки Икс, вырванные во время борьбы*
- Лист из книги о реальных преступлениях?
- *Возможно, изданной массовым тиражом в 1996–2000 годах*
- да
- его величайшим даром была способность предвидеть
- *На обороте:*
- Тело было обнаружено
- Возможно, использовал ролик-щетку, чтобы удалить следы с одежды перед нападением
- Наручники
- *Обычные, выявить источник невозможно*
- Фонарик
- *Обычный, выявить источник невозможно*
- Клейкая лента
- *Обычная, выявить источник невозможно*
- Трасологические следы
- Окись азота, озон, железо, марганец, никель, серебро, бериллий, хлорированный углеводород, ацетилен
- *Возможно, принадлежности для газосварки*

- Тетродотоксин
 - Яд из рыбы фугу
 - Снадобье для зомбирования
 - Мельчайшие дозы
 - Не применялся на жертве
- Стеркобилин, моча 9,3 г/л, хлорид 1,87 г/л, натрий 1,17 г/л, калий 0,75 г/л, креатинин 0,67 г/л
 - Фекальный материал
 - Возможно, представляет интерес / одержимость подземельем
 - С будущих мест убийства под землей?
- Хлорид бензалкония
 - Четвертичные аммониевые соединения, дезинфицирующее средство
- Латексный клей
 - Используется для наложения повязок, в строительстве и для других целей
- Инвудский мрамор
 - Пыль и мелкие крошки
- Взрывчатка товекс
 - Возможно, с места взрывных работ

Глава 11

– Привет, чувак. Садись. Подойду к тебе через несколько минут. Хочешь просмотреть эти буклеты? Найди что-нибудь забавное, чтобы производить впечатление на женщин. Делать наколки никогда не поздно. – Взгляд тату-мастера упал на безымянный палец без кольца Лона Селлитто, потом вновь обратился к юной блондинке, с которой он разговаривал до этого.

Мастер – и владелец студии (да, студии, не салона) – был тридцати с небольшим лет, тощий – кожа да кости. На нем были хорошо скроенные черные джинсы и безупречно белая майка без рукавов. Русые волосы собраны сзади, конский хвост. Щегольская, замысловатой формы борода, спускавшаяся от верхней губы четырьмя тонкими темными шелковистыми полосками, окружала рот и сходилась на подбородке спиралью. Щеки были гладко выбриты, но от ушей тянулись вперед острые, как рыболовные крючки, баки. От верхней части уха к мочке спускалась стальная шпилька. Две другие, поменьше, вертикально пронизывали брови. В сравнении со всем этим Супермен на одном предплечье и Бэтмен на другом уже не выглядели впечатляюще.

Селлитто шагнул вперед.

– Минутку, чувак, я же сказал. – Мастер быстро осмотрел полицейского. – Знаешь, для пожилого человека и такого крупного – я ничего обидного не имею в виду – ты хороший кандидат. Твоя кожа не будет морщиться. – Его голос замер. – О, черт! Посмотри-ка на это.

Селлитто устал от этой болтовни и показал хипстеру свой золотистый значок – агрессивно и вместе с тем вяло.

– Так. Полиция. Ты полицейский?

Татуировщик сидел на табурете рядом с удобным на вид, но довольно потертым креслом из черной кожи, в котором устроилась девушка, с которой он разговаривал, когда вошел Селлитто. На ней были обтягивающие джинсы и серая безрукавка, поверх которой красовались три топа, напоминавшие бюстгальтер: розовый, зеленый и синий. Ее ярко-золотистые волосы были длинными слева и коротко остриженными справа. Лицо приятное, если не обращать внимания на косо постриженные волосы и настороженные глаза.

– Хочешь со мной поговорить? – спросил мастер-татуировщик.

– Я хочу поговорить с Тэ-Тэ Гордоном.

– Тэ-Тэ – это я.

– Тогда с тобой.

Неподалеку другой мастер, круглолицый, тридцати с лишним лет, в брюках военного покроя и майке, делал татуировку другому клиенту – накачанному культуристу, лежавшему ничком на кожаном топчане, какие используют для массажа. Старательно выкалывал на спине мотоцикл.

Мастер и клиент посмотрели на Селлитто, тот ответил им твердым взглядом, и они вернулись к своим делам.

Детектив бросил взгляд на Гордона и девушку с косо постриженными волосами. Та казалась расстроенной и чем-то встревоженной. Гордона же как будто нисколько не беспокоило присутствие полицейского. Детектив знал, что владелец тату-студии «Соник хамдрам» имеет все разрешения и платит все налоги. Он это проверил.

– Дай мне закончить.

– У меня важное дело, – возразил Селлитто.

– Это дело тоже важное, чувак, – заявил Гордон.

– Никаких чуваков, – сказал Селлитто. – Ты сядешь здесь и будешь отвечать на мои вопросы. Потому что моя важность важнее твоей важности. А тебе, мисс Глупышка, придется уйти.

Девушка с испуганным видом закивала.

– Однако... – начал было Гордон.

Селлитто грубо перебил его:

– Слышал когда-нибудь о статье двести шестьдесят пункт двадцать первый Уголовного кодекса штата Нью-Йорк?

– Да. Конечно. – Гордон равнодушно кивнул.

– Татуировать несовершеннолетних, не достигших восемнадцати лет, – преступление, определяемое как незаконные деловые связи второй степени с ребенком. – Детектив повернулся к клиентке. – Сколько тебе лет? – рявкнул он.

Та заплакала.

– Семнадцать. Простите. Я только, я просто, я вправду, я хотела...

– Закончишь ты когда-нибудь эту фразу?

– Пожалуйста, я только, я хотела...

– Тогда позволь мне выразиться: пошла вон отсюда.

Девушка выбежала, оставив на кресле кожаную куртку. Под взглядами Селлитто и Гордона она остановилась, поколебалась, потом шмыгнула обратно, схватила свою одежду и исчезла снова, на сей раз окончательно.

Повернувшись к владельцу студии, Селлитто развеселился, хотя и видел, что Гордон не ежится от сознания вины. Или от страха. Детектив решил нажать посильнее.

– Это, кстати, уголовно наказуемый проступок класса Б. За него полагается три месяца тюрьмы.

– До трех месяцев, – возразил Гордон, – но надлежаще оформленное удостоверение личности опровергает обвинение. Ее водительские права? Самые настоящие. Я считаю их действительными. Присяжные сочтут их действительными.

Селлитто попытался не показать удивления, но безуспешно.

Гордон продолжал:

– Но это не важно. Я не собирался делать ей татуировку. Я действовал в манере Зигмунда.

Селлитто вопросительно поднял бровь.

– Фрейда. Как в песне Инона Зуры «Доктор рядом». Она очень хотела сделать наколку, но я ей отсоветовал. Она ребенок из Куинса или Бруклина, парень бросил ее ради шлюхи, у которой была татуировка с квинто мертвых голов.

– Что-что?

– Квинто – пять. Мертвых голов. Она хотела семь. Септо.

– И как шло лечение, док?

Гордон скорчил гримасу.

– Превосходно. Я отговаривал ее от этого намерения, когда ты вошел. Обескураживающее вмешательство. Но, думаю, сейчас она напугана.

– Отговорил ее от этого намерения?

– Совершенно верно. Наплел ей, что татуировка испортит кожу. Что через несколько месяцев она будет выглядеть на десять лет старше. Это смешно. Женщины в южных морях делают татуировку, чтобы выглядеть моложе. На губах и на веках. Больно, да. Я понял, что она не знает самоанских обычаев.

– Но ты считал ее совершеннолетней. Тогда зачем было ее отговаривать?

– Слушай, чувак. Во-первых, у меня возникли сомнения относительно водительских прав. Но суть не в этом. Она пришла сюда по недомыслию. Татуировки делаются для само-

выражения. Не из мести, не затем, чтобы совать их кому-то в лицо. Не потому, что хочешь походить на какую-то дурочку с наколотым драконом. Делай татуировку, показывающую, что ты – это ты, а не кто-то другой. Врубаешься?

Выражение лица Селлитто говорило, что нет.

Но Гордон продолжал:

– Ты видел ее волосы и варварскую косметику? Так вот, несмотря на все это, она не кандидат на татуировку. Господи, у нее сумочка с текстом песенки «Привет, киска». И натальный крест святого Тимофея. В свое время ты считал бы ее посетительницей кафе-мороженого.

«В мое время? Кафе-мороженого?» И все же Селлитто невольно начинал верить в правдивость его слов.

– К тому же у меня нет достаточно большого для нее пушистого мячика, – с усмешкой добавил татуировщик и слегка толкнул Селлитто.

– Пушистого?..

Гордон объяснил: теннисного мяча, какой дают клиентам, если сомневаются, что они смогут вытерпеть боль в процессе нанесения татуировки.

– Эта девочка не вытерпела бы. Но если хочешь иметь татуировку, нужно терпеть. Это правило: боль и кровь. Необходимость, чувак. Врубаешься? Итак, чем могу быть полезен, зная, что кризис среднего возраста тут ни при чем?

Детектив проворчал:

– Ты когда-нибудь говоришь «усек» вместо «врубаешься»?

– «Усек» – из твоего времени.

– Из моего, – согласился Селлитто. – Моего и битников.

Т.Т. Гордон рассмеялся.

– Мы работаем над одним делом. Мне нужна помощь.

– Ясно. Подожди минутку. – Гордон подошел к третьему креслу. Мастер с замысловатыми сине-красными наколками на руках набивал татуировку тридцатилетнему мужчине – выкалывал на бицепсе изображение летящего сокола. Селлитто вспомнил о сапсанах на подоконниках Райма.

Клиент выглядел так, будто только что приехал на метро с Уолл-стрит и собирается тут же вернуться в свою юридическую фирму, где проведет всю ночь. Гордон осмотрел работу и дал несколько советов.

Селлитто разглядывал студию. Она казалась принадлежащей другому времени – шестидесятым годам. Стены были покрыты сотнями образцов татуировок: лица, религиозные символы, карикатурные персонажи, девизы, карты, пейзажи, черепа... Некоторые из них абсолютно бредовые. Несколько десятков фотографий пирсинга, который можно сделать здесь же. Некоторые рамки были прикрыты шторками. Селлитто догадывался, на каких частях тела находились украшения, и недоумевал, к чему такая скромность.

Место работы татуировщиков напоминало ему парикмахерскую с креслами для клиентов и табуретами для мастеров. На рабочем столе лежали машинки, бутылки и тряпки. На стене висело зеркало с приклеенными к нему приветствиями на полосках гуммированной бумаги и сертификатами Управления здравоохранения. Несмотря на то что при нанесении тату могла брызнуть кровь, студия выглядела идеально чистой. Запах дезинфекции был сильным, повсюду виднелись напоминания о необходимости чистить оборудование и проводить стерилизацию.

130 градусов Цельсия – твои друзья.

Гордон закончил давать советы и жестом пригласил Селлитто в заднюю комнату. Через занавеску из пластиковых бусин они прошли в административную часть студии. Здесь тоже было чисто.

Гордон достал бутылку с водой из мини-холодильника и предложил Селлитто, но тот не хотел ничего пробовать в этом заведении и покачал головой.

Владелец студии отвинтил пробку и отпил. Указал подбородком на дверной проем, где все еще раскачивались нити с бусинами.

– Вот чем мы стали.

Словно Селлитто был его лучшим другом.

– Тот тип в деловом костюме, – негромко продолжал Гордон, – любитель соколов. Видел, где его татуировка?

– На бицепсе.

– Да. Высоко. Легко спрятать. У него двое-трое детей или появятся в ближайшие годы. Учился в Колумбийском или Нью-Йоркском университете. Юрист или бухгалтер. – Гордон покачал головой, и его конский хвост закачался. – Раньше татуировки скрывали. Их носили плохие мальчики и девочки. Теперь накалывают галстук или браслет с брелоками. Ходит шутка, что кто-то хочет открыть тату-студии в торговых центрах и назвать их «Тат-доллары».

– Железки нужны для этого? – Селлитто указал подбородком на шпильки на лице Гордона.

– Заявить о себе нелегко. Звучит неубедительно. Извиняюсь – очень. Чем могу быть полезен, детектив?

– Я обхожу крупные студии. Пока что нигде не смогли помочь, но все советовали обратиться к тебе. Говорили, это самая старая студия в городе. И ты знаешь всех в тату-сообществе.

– Насчет самого старого – не знаю. Татуировка – я имею в виду современную в США, не племенную – определенно началась в Нью-Йорке. В Бауэри, в конце девятнадцатого века. Но в шестьдесят первом году, после вспышки гепатита, была запрещена. Легализовалась снова только в девяносто седьмом. Я нашел документы, свидетельствующие, что эта студия появилась в двадцатых годах – то еще было время. С наколкой ты был Мистером Личностью. Или Мисс, хотя женщины тогда редко делали наколки. Но все-таки делали. У матери Уинстона Черчилля была змея, кусающая себя за хвост.

Гордон заметил, что Селлитто не особенно заинтересовал этот урок истории, и пожал плечами. «Мое увлечение не твоё увлечение. Ясно».

– То, что я хочу сказать тебе, секрет.

– Не беспокойся, чувак. Люди под иглами чего только не говорят мне. Нервничают и начинают молоть вздор. Я забываю все, что слышу. Амнезия, понимаешь. – Гордон нахмурился. – Ты здесь из-за кого-то, кто мог быть моим клиентом?

– Нет никаких причин думать так, но это возможно. Если покажем тебе татуировку, сможешь сказать нам что-то о том, кто ее сделал?

– Возможно. У каждого свой стиль. Отличия будут даже у двух мастеров, работающих по одному трафарету. Дело в том, как ты выучился работать, какой машинкой пользуешься, какими иглами. Тут тысяча вещей. Однако я ничего не гарантирую, хотя работал с мастерами со всех концов страны, бывал на съездах почти во всех штатах. Может, окажусь в состоянии тебе помочь.

– Ладно, вот она.

Селлитто полез в портфель и достал фотографию, которую отпечатал Мел Купер.

Вмороу

Гордон наклонился и, хмурясь, стал внимательно разглядывать снимок.

– Тот, кто это написал, знает свое дело – определенно мастер. Но мне непонятно это воспаление. Краски нет. Кожа распухла и стала шершавой. Сильно инфицирована. И никакого цвета. Он что, пользовался невидимой краской?

Селлитто подумал, что Гордон шутит, но тот объяснил: некоторые люди не хотят делать постоянно видимую наколку и колют специальный раствор, который остается невидимым, но проявляется под ультрафиолетом.

– Те, кому нужен пушистый мячик?

– Правильно, чувак. – Он ткнул кулаком в грудь Селлитто, детектив увернулся. Гордон нахмурился. – Насколько я понимаю, происходит что-то еще, верно?

Селлитто кивнул. Журналистам не сообщили о яде, опасаясь, что у этого способа могли найтись подражатели. И если бы недоброжелатели или сам преступник решили позвонить в муниципалитет позлорадствовать, было бы ясно, что им известны подробности убийства.

Кроме того, Селлитто обычно старался объяснять как можно меньше, когда вел опрос в поисках свидетелей или просил совета. Однако в этом деле у него не оставалось выбора. Ему требовалась помощь Гордона. И Селлитто решил, что этот человек ему, в общем, нравится.

Чувак...

– Подозреваемый, которого мы ищем, использовал вместо краски яд.

У мастера расширились глаза, металлические шпильки впечатляюще поднялись.

– Господи, неужто! Господи!

– Да. Слышал когда-нибудь, чтобы кто-то это делал?

– Никогда. – Гордон потер пальцами растительность на лице. – Это же зверство. Вот это да. Знаешь, мы... мы художники и вместе с тем хирурги-косметологи – люди нам доверяют. У нас особые отношения с ними. – Голос Гордона стал напряженным. – Использовать татуировку для убийства. Надо же.

В студии зазвонил телефон, Гордон оставил звонок без внимания. Но через несколько минут крепко сложенный мастер – тот, что накалывал мотоцикл, – просунул голову через занавесь из бусин.

– Слушай, Тэ-Тэ. – Он кивнул Селлитто.

– Что?

– Мне позвонили. Можем мы сделать наколку стодолларовой купюры на шее парня?

У него был южный акцент, но Селлитто не мог определить конкретного места.

– Сотни? Да, почему бы нет?

– Не противозаконно ли воспроизводить деньги?

Гордон закатил глаза.

– Парень не влезет ни в один приемник купюр в Атлантик-Сити.

– Я просто спросил.

– Можно.

Мастер произнес в трубку: «Да, сэр, мы это сделаем», – и прервал связь. Когда он собрался уходить, Гордон сказал:

– Подожди минутку. – И обратился к Селлитто: – Эдди повидал кое-что. Есть смысл поговорить и с ним.

Детектив кивнул, и Гордон представил их друг другу.

– Эдди Бофорт – детектив Селлитто.

– Рад познакомиться.

Акцент с юга среднеатлантических штатов, решил Селлитто. У этого человека было добродушное лицо, не вязавшееся с наколками на руках – в основном изображениями диких животных.

– Детектив, полиция. Х-м.

– Расскажи Эдди то, что рассказывал мне.

Селлитто изложил ситуацию Бофорту и показал фотографию. Тот, как и Гордон, слушал с удивлением и испугом. Детектив поинтересовался:

– Слышал о ком-нибудь, кто использует тату-пистолет как оружие? С ядом или без? О ком-то из вас?

– Нет, – прошептал Бофорт, глядя на изображение. – Ни разу.

– Хорошая работа, – заметил Гордон, обращаясь к коллеге.

– Да. Человек знает свое дело. Это яд?

– Совершенно верно, – ответил Селлитто.

– Как он держал ее, то есть как она оставалась неподвижной так долго? – поинтересовался Гордон.

– Накачал ее лекарствами. Но у него это не заняло много времени. Мы думаем, он набивал это слово примерно пятнадцать минут.

– Пятнадцать? – удивился Гордон.

– Это необычно?

– Необычно? – переспросил Бофорт. – Господи, приятель, я не знаю никого, кто мог бы сделать такую работу за четверть часа. Потребовался бы по меньшей мере час.

– Да, – подтвердил Гордон.

Бофорт указал подбородком на занавесь.

– Там у меня полуголый человек. Надо идти.

Селлитто кивком поблагодарил его и спросил Гордона:

– Можешь сказать хоть что-то о том, кто это сделал?

Гордон наклонился, внимательно изучил фотографию татуировки на теле Хлои Мур и нахмурился.

– Недостаточно четко. Есть более увеличенный снимок? Или более четкий?

– Можем получить.

– Я могу отправиться в участок. Давно хотел.

– Мы работаем в кабинете консультанта. У нас... Подожди.

Мобильный телефон Селлитто загудел. Он посмотрел на экран и прочел сообщение. Любопытно. Коротко ответив, повернулся к Гордону.

– Меня вызывают, но ты поезжай сюда. – Селлитто написал фамилию Райм и адрес. – Консультант живет там. Я заеду в управление, потом встретимся у него.

– Ладно. Когда?

– Чем скорее, тем лучше.

– Ладно. Слушай, хочешь «глок» или еще что-нибудь?

– Что? – наморщил лоб Селлитто.

– Наколю бесплатно. Пистолет, череп. А может, полицейский значок?

– Ни значков, ни черепов. – Селлитто ткнул пальцем в карточку с адресом в районе Центрального парка. – Нужно только, чтобы ты там появился.

– Еду.

– Врубился, чувак.

Глава 12

– Как у нас дела, новичок?

Сидя на табурете в гостиной Райма, Рон Пуласки горбился над клавиатурой компьютера, отыскивая места в городе, откуда могли появиться следы инвудского мрамора.

– Идут еле-еле. Тут не просто взрывные работы для котлованов. В городе сносят много домов. А сейчас ноябрь. Дрянная погода. Кто бы мог подумать? Я...

Зазвонил мобильный телефон. Пуласки полез в карман и вынул одноразовый аппарат.

Тайным распоряжением Часовщика была кремация. Райм приободрился при мысли, что кто-то так быстро позвонил полицейскому. О чем же будет разговор? Последовал обмен любезностями, потом Пуласки произнес: да, по поводу останков. Ричард Логан. Сейчас. Затем отошел в угол.

Райм уже ничего не слышал, но, судя по мрачному выражению лица Пуласки, этот разговор его тяготил.

Минуты через две-три Пуласки завершил беседу и стал делать беглые записи.

– И что? – спросил Райм.

– Тело Логана отправили в похоронное бюро Берковица, – ответил Пуласки.

– Это где? – Название показалось Райму знакомым.

– Неподалеку отсюда. Верхний Бродвей.

– Будет заупокойная служба?

– Нет, просто в четверг кто-то приедет забрать его пепел.

Не отводя взгляда от большого компьютерного монитора, Райм пробормотал:

– Ничего из ФБР об источниках ядов и ни слова о «втором». Хотя, думаю, особых надежд питать не следует. Кто?

Ни Пуласки, ни Купер не ответили. Сакс тоже молчала.

– Ну? – поинтересовался Райм.

– Что «ну»? – подал голос Купер.

– Я спрашиваю Пуласки. Кто приедет туда? За пеплом Логана? Ты узнал у распорядителя, кто там будет?

– Нет.

– Почему?

– Потому что, – ответил патрульный, – это показалось бы подозрительным. Согласен, Линкольн? Что, если тайный партнер Часовщика приедет отдать последний долг покойному, а распорядитель случайно упомянет, что некто интересовался, кто там будет? Таких вопросов обычно не задают...

– Хватит. Ты высказал свою мысль.

– Хорошую мысль, – заметил Купер.

Верную мысль.

Райм снова задумался о значении татуировки на теле Хлои Мур. Он сомневался, что слово «второй» было частью цитаты, которую можно найти. Может, Икс выбрал его наобум и в нем нет никакого смысла? Может, он отвлекал внимание, направляя по ложному пути?

Дым и зеркала...

Но если это действительно сообщение, каким оно может быть? Почему он разматывает свои мысли, как леску удочки?

– Не знаю, – сказал Купер.

Очевидно, Райм вслух произнес вопрос, адресованный загадочному преступнику.

– Проклятое сообщение, – пробормотал он.

Все в комнате снова посмотрели на слово.

– Анаграмма? – предположил Купер.

Райм пробежал глазами буквы. Их перестановка не дала никакого результата.

– Все же мне кажется, что в этом сообщении есть какая-то загадка. Ему не нужно играть с нами в слова. Новичок, переоденься и отправляйся в похоронное бюро. Готов?

– Конечно.

Слишком быстрый ответ, подумал Райм. Он понимал, что нежелание ехать туда не было связано с физическим риском. Даже если бы дело покойного Часовщика унаследовал один из сообщников, забиравший пепел, он не стал бы выхватывать пистолет в похоронном зале и стрелять в переодетого полицейского. Нет, молодого полицейского мучил страх не справиться с делом из-за полученной несколько лет назад травмы головы. Пуласки отлично работал на месте преступления, хорошо для не имевшего университетского диплома человека работал в лаборатории. Но когда приходилось иметь дело с людьми и принимать быстрые решения, начинались колебания и неуверенность.

– Потом поговорим о том, как одеться, как вести себя, кем представиться.

Пуласки кивнул, сунул в карман телефон, который нервно крутил в руке, и вернулся к проблеме инвудского мрамора.

Райм подкатился на кресле-каталке к смотровому столу, где лежали улики с места убийства Хлои Мур в Сохо. Потом поднял взгляд к монитору, где демонстрировались высокочеткие неприятно яркие снимки, сделанные Сакс. Он рассматривал лицо покойной, пятна слюны, открытый рот, следы рвоты, широко раскрытые остекленевшие глаза. Это выражение отражало последние секунды ее жизни. Смертельный яд, извлеченный из пятнистого болиголова, вызывал сильные эпилептические припадки и мучительные боли в животе.

«Почему яд?» – снова задался вопросом Райм. И почему тату-пистолет для введения его в тело?

– Черт, – пробормотала Сакс, отодвигаясь от своего рабочего места. Она помогала Пуласки искать информацию о взрывах промышленного значения. – Компьютер снова завис. Дважды прекращал работу за последние двадцать минут. Совсем как раньше телефоны.

– Не только здесь, – сказал Том. – Так по всему городу – время медленной загрузки. Сущее наказание. То же самое происходит примерно в десяти кварталах.

– Замечательно, – отрывисто произнес Райм. – Только этого нам и не хватало.

В настоящее время невозможно вести расследование преступления без компьютеров, не имея доступа ни к департаменту автотранспорта, ни к засекреченным базам данных полиции и Агентства национальной безопасности, ни к Гуглу. Если поток информации прекратился, работа останавливается. А до этого ты даже не думал о том, как зависишь от этих невидимых битов и байтов.

– Порядок, снова работает, – объявила Сакс.

Но беспокойство по поводу Всемирной паутины отошло на второй план, когда Лон Селлитто ворвался в гостиную Райма, на ходу снимая пальто. Бросив его на кресло, он положил сверху перчатки и что-то достал из портфеля.

Райм, хмурясь, смотрел на него.

Селлитто виновато сказал:

– Линк, я подотру этот чертов пол.

– Я и не думаю о поле. С какой стати мне о нем думать? Я хочу знать, что у тебя в руке.

Селлитто утер пот. На его внутренний термометр, очевидно, не действовал самый холодный и отвратительный за последние двадцать пять лет ноябрь.

– Прежде всего, я нашел татуировщика, который готов нам помочь. Он едет сюда. Если нет, тем хуже для него. Тэ– Тэ. Гордон. Видел бы ты его усы.

– Лон!

– А теперь вот что. – Селлитто поднял книгу. – Ребята в управлении выяснили, откуда этот клочок бумаги.

Сердце Райма учащенно забилося – большинство людей ощутило бы это в груди, но у него, разумеется, это проявилось учащением пульса в шее и голове – единственных сохранивших чувственность частях тела.

да

его величайшим даром была способность предвидеть

– Лон, как они это сделали? – спросила Сакс.

Селлитто продолжал:

– Ты знаешь Марти Белсона из отдела расследования тяжких преступлений?

– Да, он настоящий мудрец.

– Именно. Он любит головоломки. Разбирает sudoku во сне. – Селлитто повернулся к Райму: – Расследует главным образом финансовые преступления. Так или иначе, он выяснил, что большие буквы являются частью заглавия. Ты знаешь, что фамилия автора печатается вверху одной страницы, а заглавие – противоположной.

– Знаю. Продолжай.

– Он стал работать со словами, оканчивающимися на «да».

Райм перебил его:

– На оборотной стороне листа было слово «тело». Мы думали, что это книга о преступлениях. Учитывая обстоятельства, возможно, это название «Вражда».

– Нет. Города. Полное заглавие – «Серийные города». Эта книга была в кратком списке из шести, выдвинутых на премию. Марти звонил самым крупным издателям в городе – их теперь стало меньше – и зачитывал список. Один из редакторов узнал эту книгу. Сказал, что его компания давно ее выпустила. «Серийные города». Теперь она распродана, но он даже вспомнил, в какой главе эти слова. В седьмой. Прислал нам экземпляр этой книги с курьером.

– Превосходно! А о чем эта глава? – спросил Райм.

Селлитто снова утер пот.

– О тебе, Линк. Там все о тебе.

Глава 13

– И о тебе, Амелия, тоже.

Селлитто раскрыл книгу. Райм увидел полное заглавие: «Серийные города: знаменитые убийцы от побережья до побережья».

– Позволь мне высказать догадку. Книга о том, что в каждом большом городе был серийный убийца.

– Бостонский душитель, Чарльз Мэнсон в Лос-Анджелесе, Рэндалл Вудфилд в Сиэтле.

– Дрянная журналистика. Мэнсон не был серийным убийцей.

– Думаю, читателям все равно.

– И мы попали в эту книгу? – уточнила Сакс.

– Седьмая глава называется «Собиратель Костей».

Благодаря вниманию прессы и беллетристике это было широко известное прозвище серийного похитителя, который стал кошмаром Райма и полицейского управления несколько лет назад, пряча свои жертвы в таких местах, где они умирали, если Линкольн не мог вовремя понять, где они находятся.

Кого-то спасли, кого-то нет. Дело это было значительным по нескольким причинам: оно вернуло Райма из числа мертвых – почти в буквальном смысле. Он собирался покончить самоубийством – так был подавлен своим параличом, но после интеллектуальной борьбы с блестящим убийцей решил еще пожить на свете.

Еще это дело свело вместе Райма и Сакс.

– И мы не в первой главе? – пробормотал Райм.

Селлитто пожал плечами:

– К сожалению, Линк.

– Но это Нью-Йорк.

А это я, невольно подумал Райм.

– Можно посмотреть? – спросила Сакс. Она открыла главу и стала быстро читать.

– Короткая глава, – заметил Райм, еще более раздраженный. – Поиски Бостонского душителя заняли больше страниц?

– Знаешь, – заговорила Сакс, – не так давно я разговаривала с одним писателем. Он сказал, что работает над книгой, и пригласил меня выпить кофе, чтобы выяснить подробности, которых не было в прессе и в официальном сообщении. – Она улыбнулась. – Кажется, Райм, он звонил и тебе, но ты накричал на него и швырнул трубку.

– Не помню, – проворчал Рейм. – Журналистика. Какой в ней смысл?

– Ты написал это, – заметил Пуласки, указав на полку, где стояла документальная книга Райма о знаменитых местах преступления Нью-Йорка.

– Написал для забавы. Я не посвящаю жизнь скормливанию жутких историй кровавой жадной публике.

Хотя, пожалуй, следовало добавить жути, подумал он. Несколько лет назад часть тиража книги «Места преступления» осталась нераспроданной.

– Самый важный вопрос заключается в том, что заинтересовало Икса Пять-Одиннадцать в деле Собирателя Костей. – Линкольн указал подбородком на книгу. – Что содержится в главе обо мне? Есть там основная мысль? Или автор преследует свои корыстные цели?

Да и какого объема эта глава? Всего десять страниц... Райм возмутился еще больше. Сакс продолжала наскоро просматривать главу.

– Не беспокойся. Ты выглядишь здесь хорошо. Должна сказать, я тоже... Это главным образом описание похищений и методов расследования. – Она перелистнула несколько стра-

ниц. – Много процедурных подробностей работы на месте преступления. Несколько подстрочных примечаний. Одно длинное, о твоём состоянии.

– О, должно быть, это поистине захватывающее чтение.

– Другое – о политике, замешанной в этом деле. – Сакс оказалась в затруднительном положении, закончив перечисление улик, приведших к конфликту с Олбани. – И ещё одно примечание – о матери Пам, – добавила она.

Собиратель Костей похитил девочку по имени Памела Уиллоуби и её мать. Райм и Сакс спасли их – однако мать оказалась не невинной жертвой. Узнав это, Сакс и Райм занялись активными поисками ребенка. Несколько лет назад её удалось найти. Сейчас Пам было уже девятнадцать лет, она училась в колледже и работала в Нью-Йорке. Она стала, в сущности, младшей сестрой Сакс.

Амелия дочитала главу до конца.

– Автор больше всего озабочен психологией преступника: почему он так интересовался костями?

Преступник похищал человеческие кости и украшал их резьбой, шлифовал наждачной бумагой, полировал. Очевидно, его одержимость стала следствием того, что в прошлом он понес утрату, лишился тех, кого любил, и теперь находил подсознательное утешение в постоянстве костей. Его преступления были мстью за эту утрату.

Райм сказал:

– Думаю, прежде всего нужно выяснить, связан ли наш Икс с Собирателем Костей. Просмотри файлы. Выясни, кто члены семьи преступника, где они живут, чем занимаются.

Потребовалось время, чтобы найти эти файлы – официальные сообщения и свидетельские показания находились в архиве полицейского управления. Дело было давним. У Райма имелись кое-какие материалы в компьютере, но текстовые процессоры были несовместимы с его новой системой. Некоторые сведения содержались на дисках диаметром три с половиной дюйма, которые Том отыскал в подвале, – старых, поскольку коробки были густо покрыты пылью.

– Что это? – спросил Пуласки, представитель поколения, измеряющего информацию в гигабайтах.

– Гибкие диски, – ответил Селлитто.

– Слышал о них, но ни разу не видел.

– Кроме шуток? А знаешь, Рон, существовали ещё большие, круглые, черные виниловые диски, на которые записывали музыку. Да, новичок, и мы жарили свои бифштексы из мастодонтов на настоящем огне. Микроволновок тогда не было.

– Ха!

Диски оказались бесполезными, но Том ухитрился найти в подвале и распечатки досье. Райм и остальные смогли составить из обрывочных сведений биографию Собирателя Костей и установить с помощью Интернета, что у преступника тогда не было живых родственников, во всяком случае, близких.

Райм подумал: «И я знаю, почему у него не было семьи».

Сакс поймала его беспокойный взгляд и ободряюще кивнула. Райм никак не отреагировал.

– Что с уцелевшими?

Последовали новые поиски в Интернете и новые телефонные звонки.

Выяснилось, что никого из жертв Собирателя Костей, за исключением Пам, не осталось в живых или, по крайней мере, нет среди жителей Нью-Йорка.

– Так, похоже, с делом Собирателя Костей прямой связи нет, – заключил Райм. – Пусть мсть и блюдо, которое подают холодным, но все же прошло слишком много времени, чтобы сводить с нами счеты.

– Давай поговорим с Терри, – предложила Сакс.

Терри Добинс был главным психологом полицейского управления. Он сформулировал теорию, согласно которой одержимость Собирателя Костей коренилась в их постоянстве и отражала какую-то утрату в прошлом преступника.

Кроме того, Добинс был врачом, который больше всех помог Райму после несчастного случая несколько лет назад. Он отказался принять решение об уходе Райма из жизни и его мысли о самоубийстве, помог ему приспособиться к жизни в мире калек. И не допускал никакой ерунды типа: «Как ты теперь себя чувствуешь?» Добинс знал, как чувствуют себя в таких случаях, и вел разговоры так, что на душе становилось легче, хотя и не уклонялся от правды, признавал, что иногда жизнь бывает жестокой.

Доктор, вне всяких сомнений, был умным человеком. И талантливым психологом. Но предложение Сакс привлечь его к расследованию имело совсем другую причину: она хотела получить психологический профиль Икса 5-11, а составление подобного профиля представляет собой искусство – не науку, заметьте, – которое Райм находил в лучшем случае сомнительным.

– Зачем его беспокоить? – спросил он.

– Чтобы расставить...

– Сакс, пожалуйста, без речевых штампов.

– ... точки над i.

Селлитто встал на ее сторону.

– Линк, чему это может помешать?

– Это отнимет время от занятия полезным делом – анализом улики. Вот чему, Лон.

– Анализируй, – ответил Селлитто. – Звонить Терри будем мы с Амелией. Тебе даже не надо слушать. Смотри, наш Икс основательно потрудились, чтобы добраться до книги, где говорится о Собирателе Костей. Я хочу знать почему.

– Ладно, – сдался Райм.

Селлитто позвонил и, когда Добинс ответил, нажал кнопку на своем мобильнике.

– Терри, я включил громкую связь. Это Лон. Я здесь с Линкольном и еще кое с кем. У нас появилось дело, и нам хотелось бы задать тебе несколько вопросов.

– Давно не общались, – прозвучал спокойный баритон доктора. – Как дела, Лон?

– Нормально.

– А у Линкольна?

– Превосходно, – пробормотал Райм и снова обратил взгляд на карту обнаружения улики: инвудский мрамор с места взрывных работ. Этим он интересовался гораздо больше, чем ненадежными психологическими догадками. Алхимией...

– Здесь еще Амелия, – продолжал Селлитто. – И Рон Пуласки с Мелом Купером.

– Насколько я понимаю, у вас дело с татуировкой. Я видел это по телевизору.

Хотя прессе не сообщали тонкостей дела Икса 5-11, журналисты обращались во все правоохранительные органы с вопросом о совпадении методов действий преступников, хотя утвердительных ответов не получали.

– Совершенно верно. Произошло событие, и мы хотим знать, что ты скажешь.

– Я весь внимание.

Райм должен был признать, что нашел интонации Добинса успокаивающими. Он представил себе жилистого, седовласого доктора, улыбка которого была такой же успокаивающей, как и его голос. Собеседника он слушал внимательно, словно тот был для него центром вселенной.

Сакс сообщила, что преступник вырезал из книги главу о Собирателе Костей и она была у него при себе во время преступления. Добавила, что прямой связи с делом Соби-

рателя не было, но преступник, видимо, изрядно потрудился, чтобы найти экземпляр этой книги.

– И он оставил сообщение, – добавил Лон Селлитто, после чего рассказал о слове «второй», наколотом древнеанглийским шрифтом.

После недолгого молчания доктор заговорил:

– Так вот, первое, что я подумал, как, видимо, и вы, что он серийный убийца. Часть сообщения означает, что последует продолжение. И потом, его интерес к Собирателю Костей, серийному похитителю.

– Мы считаем, что он будет продолжать охоту, – сказал Селлитто.

– У вас есть какие-то нити?

Сакс ответила:

– Описание – белый мужчина, худощавый. Несколько подробностей о ядах, которые он использовал, и о том, который, видимо, намерен использовать.

– А жертва белая женщина?

– Да.

– Подходит под образец серийного убийцы.

Большинство таких убийц выбирают жертвами людей своей расы.

Сакс продолжала:

– Он обездвигил ее пропофолом. Так что, может, у него есть медицинское образование.

– Как и у Собирателя Костей, – вставил Добинс.

– Совершенно верно, – сказал Райм, переведя взгляд от улики к телефону. – Я об этом не подумал. – Его внимание к психологу значительно усилилось.

– Сексуальный компонент?

– Отсутствует, – сказал Селлитто.

Сакс добавила:

– Она умерла не сразу. Возможно, он стоял там, наблюдал. И, возможно, наслаждался этим зрелищем.

– Садистски наслаждался, – заметил Рон Пуласки.

– Кто это? – поинтересовался Добинс.

– Рон Пуласки, патрульный. Я работаю с Линкольном и Амелией.

– Привет, патрульный. Собственно говоря, я не вижу здесь садизма. Садизм бывает только в сексуальном контексте. Если ему нравится причинять боль ради боли, то его диагноз, видимо, – антисоциальная личность.

– Да, сэр.

Пуласки покраснел, но, казалось, не из-за возражения Добинса, а из-за свирепого взгляда Райма, которым тот отреагировал на его вмешательство.

Добинс заговорил:

– На первый взгляд, он вполне организованный преступник и будет тщательно планировать свои нападения. Еще скажу, что существуют две возможные причины интереса вашего Икса к Собирателю Костей и к тебе, Линкольн. К Амелии тоже, имейте в виду. Одна – на него повлияли преступления Собирателя Костей десять лет назад. Я имею в виду – он мог быть эмоционально затронут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.